

Алекс Динго

**«Пёс Малыш,
мой талисман
удачи...»**

Алекс Динго

**«Пёс Малыш, мой
талисман удачи...»**

«Издательские решения»

Динго А.

«Пёс Малыш, мой талисман удачи...» / А. Динго —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-982892-7

Роман «Пёс Малыш, мой талисман удачи...». Бушует Великая Отечественная война. Путь советского лётчика Павла Александровича Фролова тернист. Но когда у тебя есть талисман удачи по кличке Малыш, то ты просто непобедим... Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-982892-7

© Динго А.
© Издательские решения

Содержание

«ПЁС МАЛЫШ, МОЙ ТАЛИСМАН УДАЧИ...»	6
Глава первая	8
Глава вторая	16
Глава третья	23
Глава четвёртая	35
Конец ознакомительного фрагмента.	40

«Пёс Малыш, мой талисман удачи...»

Алекс Динго

© Алекс Динго, 2020

ISBN 978-5-4498-2892-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«ПЁС МАЛЫШ, МОЙ ТАЛИСМАН УДАЧИ...»

Алекс Динго

«Пусть не уйдёт из памяти потомков
Тот день Победы, тот Великий Май,
Пусть Ветеранов голоса не громки,

Большой их подвиг век не забывай!»
Сеть.

Глава первая

Летом 1941 года над городом Смоленском бледно светило солнце. Светило обтянуло непролазной пеленой, точно паук крепкой паутинкой. По небу тянулись небольшие, серые облака. Ветер чуть поддувал. Веяло теплотой. Над горизонтом зависли пышные белые облака, словно сладкая вата. Вдали на пригорках возвышались тёмные леса, небольшие зелёные пролески, да густые кусты. Где – то поблизости вверх тянулся столб тёмного дыма. Он кривился.

На скрытом небольшом поле – аэродроме гуляла пустыньность. На деревьях чуть шелестела листва. Наседал жар. Замелькали фигуры. Виднелось напряжение. Быстро забегали служивые военной воздушной части. Механик Кирилл Сафаров – грузный человек в широких штанах живо убрал ветви дерева с одноместного самолёта Ил – 2. Светло-зелёный истребитель с красной звёздочкой на фюзеляже предстал во всей красе. Создан в ОКБ – 240 под руководством главного конструктора Сергея Владимировича Ильюшина. Лётчики именуют, как «летающий танк». Немцы называют «бетонный самолёт», «чума», «чёрная смерть». Кирилл похлопал его по крылу. Он слегка нахмурился, посмотрев на светлое однотонное небо. Большие глаза прищурились. Яркий свет слепил. Широкие губы pokrивились.

– Да. Снова в бой, – тихо произнёс механик.

Кирилл принялся быстро проверять пулемёты самолёта – штурмовика ИЛ – 2. Живенько постучал по колёсам. Нырнул под низ грозного аппарата. Грубые, большие, мускулистые руки работали быстро.

В свете ярких солнечных лучей замаячила фигура стройного человека. Она становилась всё объёмнее. Из пролески показался пилот Павел Александрович Фролов. Синие глаза сияли. Приятное упитанное полнощёкое лицо выражало уверенность. Прямой нос, острый подбородок, волевой взгляд, полные губы цвета ярко-алого, – ровные черты гармонично сводились в контур. Тридцатилетний герой нравился девушкам. Как – то на танцах Павел нарвался на компанию одной зазнобы. Уже вечерело. Улицы опустели. Аксана – длинная коса посторожилась. Она, испугавшись, прижала руки к своей пышной груди. Авторитет Борька тут же врезал оппоненту под челюсть. Тот отлетел на два метра. Брызнула кровь из носа. Аксана закрыла лицо руками. Она затаила дыхание. Павел на удивление быстро поднялся. Ноги покосились. Борька вновь ударил кулаком под дых. И сразу в челюсть. Визави вновь упал. Но быстро поднялся. Авторитет рассердился. Павла, прихватив за руки, ударили об ствол дерева. Брызнула кровь. Парень выплюнул изо рта кровавую слюну. Еле поднялся на ноги. Помотал головой. Затем Борька тут же получил сильный удар по утюжному лицу. Он свалился на землю. И уже не смог подняться. Остальные герои побежали по лужайке парка. Аксана одарила любовника нежным поцелуем в разбитые губы. Тот ответил взаимностью.

Павел оправил на ремне кобуру. Там прятался револьвер. Он, слегка нахмурившись, быстро пошёл по полю. Пилот остановился возле самолёта.

– Ну, что Кирюша. Наша «чума – машина» готова к бою, – решительно сказал Павел.

– Штурмовик к бою готов Павлуша. Пулемёты забиты патронами. Горючее заправлено. Авиабомбы. Полный атас. Хахахааа...

– Это хорошо. Под Смоленском сейчас жарко. Надо пособить братцам, – навеселе добавил герой.

Пилот ловко заскочил в кабину самолёта. Он прищурился. Солнечный свет давил на глаза. Фролов слегка ухмыльнулся. Быстро пробежался по приборам.

– Вот же... Так маску забыл, кажется, – сказал механик Кирилл Сафаров, махнув рукой.

Пилот Павел осмотрелся. Он широко улыбнулся, зорко глядя в поле. Лицо просветлело. Возле небольших кустиков и деревьев замаячила маленькая бегущая фигурка. Она приближалась.

– Да. Нет. Я ничего не забываю, – ответил Павел.

Из рощи выскочил пёс – дворняга по кличке Малыш. В нём имелись разные крови, – и лайки, и дворняги, и гончей. Вытянутая морда выражала довольный вид. Светло-коричневые глаза искрились игривостью. Шерсть жёсткая, светлая отдавала блеском. В родном селе он прозябал возле хладокомбината. Дома почти не бывал. Хозяин Семён любил пригубить водочки. А когда напивался, становился буйным. Вырывал столбы, заборчики и махал огромной деревянной во все стороны. И брызги летели из широкого рта. И ор жуткий поднимался. Пёс быстро сообразил, и поселился возле закусовых, которые часто ему выносили прямо на блюде. Он, прибавив шагу, быстро понёсся по поляне. Заметно, весело припрыгивал. На нём не виднелось ошейника. Он не любил украшений. Малыш ловко заскочил на крыло самолёта. Выкатились когти. В слюнявой пасти забавно держал маску пилота. Павел тут же слегка приобнял руками собаку.

– Ууууууууу, – проурчал боевой пёс.

– Вот кто мне принёс маску мою. Малыш ты мой талисман удачи, – навеселе сказал пилот.

Пёс Малыш, встав на задние лапы, лизнул языком приятеля по светлому лицу. Виднелась игривость. Глаза засияли ещё больше. Павел, принял маску из пасти пса. Тот довольно облизнулся.

– Ладно. Давайте. Хватит телячьих нежностей. Надо лететь, – боевито сказал лётчик.

Пилот Фролов закрыл кабину, задвижным стеклом. Он, мило глядя на морду пса, улыбнулся. Загудел мотор. Мощно закружил пропеллер.

Пёс Малыш тут же соскочил с крыла самолёта. В глазах появилось волнение. Он, вильнув хвостом, резко отбежал в сторону. Повёл мокрым носом. Он чуть приземлился, поджав уши. Звук слегка раздражал.

– Ууууааввуавуаввв, – загавкал кобель, подняв нос кверху.

Пилот Павел вывернул штурвал боевого штурмовика Ил – 2. Он крепко нажал на рычаг газа. Блеснул металл. Самолёт, шумно загудев, быстро покатился по полю. Потянулся лёгкий дымок.

Пёс Малыш следом побежал по лужайке. Он положил преданный взгляд на самолёт. Боевой аппарат живо удалялся. Он резко остановился. Чуть покосил голову. В глазах читалось: *«Я буду ждать... Удачи тебе мой друг...»*.

Самолёт Ил – 2 на скорости взлетел в воздух. Он быстро набирал высоту. Шум всё затихал. Штурмовик, превратившись в точку, исчез где – то за зефирными облаками.

В небе под Смоленском тянулись небольшие, серые тучи. Солнечный свет мерцал, теряясь за туманной мглой. Ветер сильно поддувал. Где – то далеко – далеко внизу мелькали зелёные просторы и синие воды. Над окрестностями города в разных местах вверх поднималась тёмная дымка. На высоте тянулись бесконечные облака.

Мотор ревел. Штурмовик Ил – 2, вырвавшись из бело-серой пелены, вылетел на огневой рубеж. Пилот Фролов, потянув за штурвал, резко снизил высоту самолёта. Виднелось напряжение. Он широко открыл глаза, спрятанные за широкими очками. Боевой аэроплан полетел под небольшим углом. Носовой пропеллер гулко шумел, разрезая воздушное пространство. Павел, прищурившись, заметил движение. Он тут же потянул за рычаг. Самолёт точно коршун нацелился на добычу.

– Немецкие танки. Едут к городу. Целая колонна. Ладно... Сейчас я вас угощу... Вот вам сволочи, – произнёс лётчик.

Самолёт, снизившись, вышел точно на цель. Пошёл на пике. Пилот Павел, сбросив авиабомбу, потянул за штурвал. Штурмовик вновь взметнул вверх. Неугомонно загудел мотор. Авиабомба быстро полетела на землю. Покосилась на шестьдесят градусов. Пронёсся свист. Боевой снаряд упал между немецкими танками. Прогремел мощный взрыв. Земля вздыбилась

вверх, подняв над собой глыбу тёмного дыма. Бронемашины тёмного цвета со свастикой остановились. Один танк подскочил. Сорвался в кювет. Отлетела башня. Вспыхнул огонь. Загорелось горячее. У соседнего Pz. третьего развалились гусеницы, растянувшись по твёрдому грунту. Мотоцикл с коляской вместе с водителем взорвался. Он кувырнулся на сто восемьдесят градусов. Рядовой Ханс так и застыл, сидя за рулём. По дороге покатилося огненное колесо. По полю в разные стороны метнулись тёмные горящие фигурки. Они закувыркались.

– Вот вам сволочи. Кушайте. И добавка будет, – произнёс пилот.

Штурмовик Ил – 2 живо пошёл на петлю. Павел быстро, искусно развернул самолёт в воздухе. Мотор взревел.

На небе тускло сиял солнечный свет. Немецкие автоматчики, взирая на кружащийся в небе самолёт, живо разбежались по полянке. Всё затаились по кустам. Кто – то открыл огонь.

– Стреляйте...

Стройный, подтянутый офицер Франц схватился за пулемёт МГ – 42. Его лицо пылало от яркого загара. Глаза светлые с блеском золота, как у удава. Он, сжав сухие тонкие губы, застрочил по самолёту. На землю посыпались гильзы. Одна шальная пуля чиркнула крыло.

Советский штурмовик Ил – 2 резко снизив высоту, чуть накренился. Пошёл на пике. Пилот Фролов нажал на ручки пулемётов. Воздух сотрясли выстрелы из крыльевых пушек. Замелькали ломаные огоньки. На землю полетели 20 мм «ШВАК» гильзы патронов. Отдало звонким гулом. Самолёт круто накренился носом к земле.

– ААААА. Суки. ААА... Не нравятся поганцы... Хахахааа, – закричал пилот Павел.

По пыльной дороге покатались пулевые трассы. Точно открылись фонтанчики из пыли. Несколько солдат неестественно покосились. Они замертво попадали на землю. Офицер Франц, пошатнувшись, схватился руками за шею. Его пулемёт повис. 20 мм патрон пробил ему гортань насквозь. Китель живо забрызгало кровью. Он кувырнулся взад себя. Дыхание остановилось.

Советский самолёт вновь взметнул вверх. Точно встал на дыбы. Пилот Фролов резко потянул штурвал. Он нахмурился, увидев под облаками немецкие «мессеры». Чёрные истребители, словно коршуны, раскрыли свои жуткие когти. Появились внезапно. Ил – 2 яро загудел мотором. Живо полетел, немного виляя. Пилот прибавил газу.

– Сволочи. Сейчас начнётся фейерверк, – произнёс он.

Немецкие истребители быстро приблизились к советскому штурмовику. Затарахтели пулемёты. Трассирующие пули засвистели где – то совсем рядом. Чиркнули по крылу. В глазах отразился огонёк. Ил – 2 завилял.

– ААААА. Вот же лезут, – произнёс Павел.

Пилот Фролов, потянув за штурвал, выполнил фигуру высшего пилотажа. Мотор взревел. ИЛ – 2 кувырнувшись по часовой стрелке, резко пошёл на снижение высоты. Павел сильно нахмурился, крепко держась за штурвал. *«Оторвался... Хахахаааа... Ну... Держись...»*. Несколько патронов пронзили крыло штурмовика. На фюзеляже зияли большие отверстия. Потянулась маленькая дымка, живо крутясь, точно змейка.

Небо слегка просветлело. Туманная дымка растянулась. Солнечный свет слегка слепил. «Мессеры» стремительно проскочили вперёд. Они зашли на разворот. Потерялись из виду.

Мотор взревел. Советский штурмовик живо набрал высоту и скорость. Резко вынырнул из туманного облака. Сел на хвост тёмному немецкому истребителю. Ас Кристоф – молодой, пучеглазый, щекастый офицер крепко вцепился за штурвал. Демонские глаза округлились. Его аппарат умело закрутился и завилял. Пилот Фролов, потянув за рычаг, застрочил из крыльевых пулемётов.

– ААААА, – громко закричал Павел.

Штурмовик Ил – 2 завис. Пулемётные пули гулко раскромсали заднюю часть немецкого «мессера». Прокатились по фюзеляжу. Куски покорёженного металла взмахнули вверх и в стороны. Повалил тёмный дым. Точно вулкан прорвался. Кристоф пустил кровавую слюну, замертво прижавшись к штурвалу. Пуля прошла шею насквозь. Приборы забрызгало кровью. В прострелянной кабине загудел шальной ветер. Ил – 2, сбавив обороты, отлетел в сторону. Мотор взревел.

– Попался сволочь, – произнёс Павел.

Из облачной дымки резко выскочил ещё один «мессер». Немецкий самолёт с головой акулы на носу вновь вышел на огневую позицию. Пилот – Люфтваффе Армс крепко сжал сухие губы. Лицо со стальным сплавом источало змеиную волю. Глаза прищурились. Ярость слепила. Сухожильный лейтенант открыл шальной огонь из пулемётов. Загудели трассирующие пули. Ил – 2 закрутился как юла на базаре. Павел зажался у штурвала. Несколько патронов вонзились в стальную кабину штурмовика ИЛ – 2. Полетели болты. Кусок металла, искривившись, застучал. Дымка усилилась. Ярый змей сидел на хвосте. Пилот Фролов резко крутанул штурвалом. Самолёт слушался.

– АААА... ААА, – закричал он.

Штурмовик ИЛ – 2 резко вылетел на свободный рубеж, ловко уйдя от преследователя. Павел живо осмотрелся. Руки затекли. По виску лил пот. Костюм взмок. Сердце билось на взрыв. Стёкла слегка запотели.

«Мессер» исчез из поля видимости. Он быстро скрылся за облачной серостью. Армс хитрил.

Мотор заревел. Павел живо осмотрелся. *«Куда он исчез. Трус... Да хрен с тобой. Есть боезапас. Колонна стоит. Я им помешаю...»*. Пилот Фролов, снизив высоту самолёта, вновь открыл огонь из пулемётов по вражеским танкам. По земле покатались огненные трассы. На поле замелькали фигурки. Кто – то свалился замертво.

– ААААА. Вот вам гады, – закричал летчик.

Солнце тускло сияло. Плыли туманные серые облака. На небосводе вновь резко появился «мессер». Как будто свалился. Он лихо вышел на оперативный, огневой простор. Змей терпеливо выжидал, чтобы смертельно ужалить. Пилот Армс затеял жуткую стрельбу и адскую расправу. Его безумные глаза источали кислоту. Трассирующие пули жутко полетели, разрезая воздушную волну. Ил – 2 вновь закрутился. Павел пикировал, как мог. Самолёт подчинялся. Мотор ревел.

– ААААА... ААА..., – закричал Фролов.

«Мессер» наседал. Пулемётные пули адски свистели со всех сторон. На борту появились большие отверстия. Дым захлестал из всех щелей. Чуть загнулось крыло. Повалила мрачная, ядовитая дымка. Треснуло стекло на кабине пилота. В ушах зазвенело. Сердце сжалось в груди. Руки одеревенели. Павел резко сбросил высоту. Ил – 2 нырнул в бело – серое облако. Трассирующие пули били жёстко. Вверх подлетел кусок загнутого железа.

– АААА, – громко закричал Фролов.

Гулял яркий гул. «Мессер» неугомонно нависал. Армс исказил лицо до неузнаваемости. Читалось ярость. Скулы сжались. Глаза наполнились огнедышащим ядом. Снайпер Люфтваффе, крепко сжав руки на штурвале, не отставал. Он держался на хвосте. Вновь посыпался град трассирующих пуль.

Ил – 2 сильно задымился. Мотор забарахлил. Из кабины повалил тёмный дымок. Треснула обшивка на изрешечённом фюзеляже. Павел поймал глазами солнечный свет. Он тут же померк в туманной мгле. Самолёт резко снизился. *«Нет... Это всё... Нет...»*, – подумал Павел. «Мессер» отстал, затерявшись в мрачных облаках. Затихли пулемёты. Немецкий пилот Армс перестал стрелять. У него закончились патроны. Он живо повернул на базу.

Над небольшим аэродромом тускло светило солнце. Ветер чуть поддувал. Веяло теплотой. Вдали виднелись тёмные леса да широкие поля с валунами. Пёс дворняга Малыш пристально смотрел в небо, считая скучными глазами облака. Его уши потянулись. Он вскочил на лапы. Живо понёсся по знакомому до боли полю. Механик Кирилл Сафаров, сидя на бревне, оживился. Лицо преобразилось. Он тут же поднялся, чутко прислушавшись. Над полем закружила маленькая точка. Она приближалась, оставляя за собой туманную мглу.

В образе героя – лётчика реальный участник боевых действий 1941 – 1945 годов, ветеран ВОВ Павел Александрович Фролов.

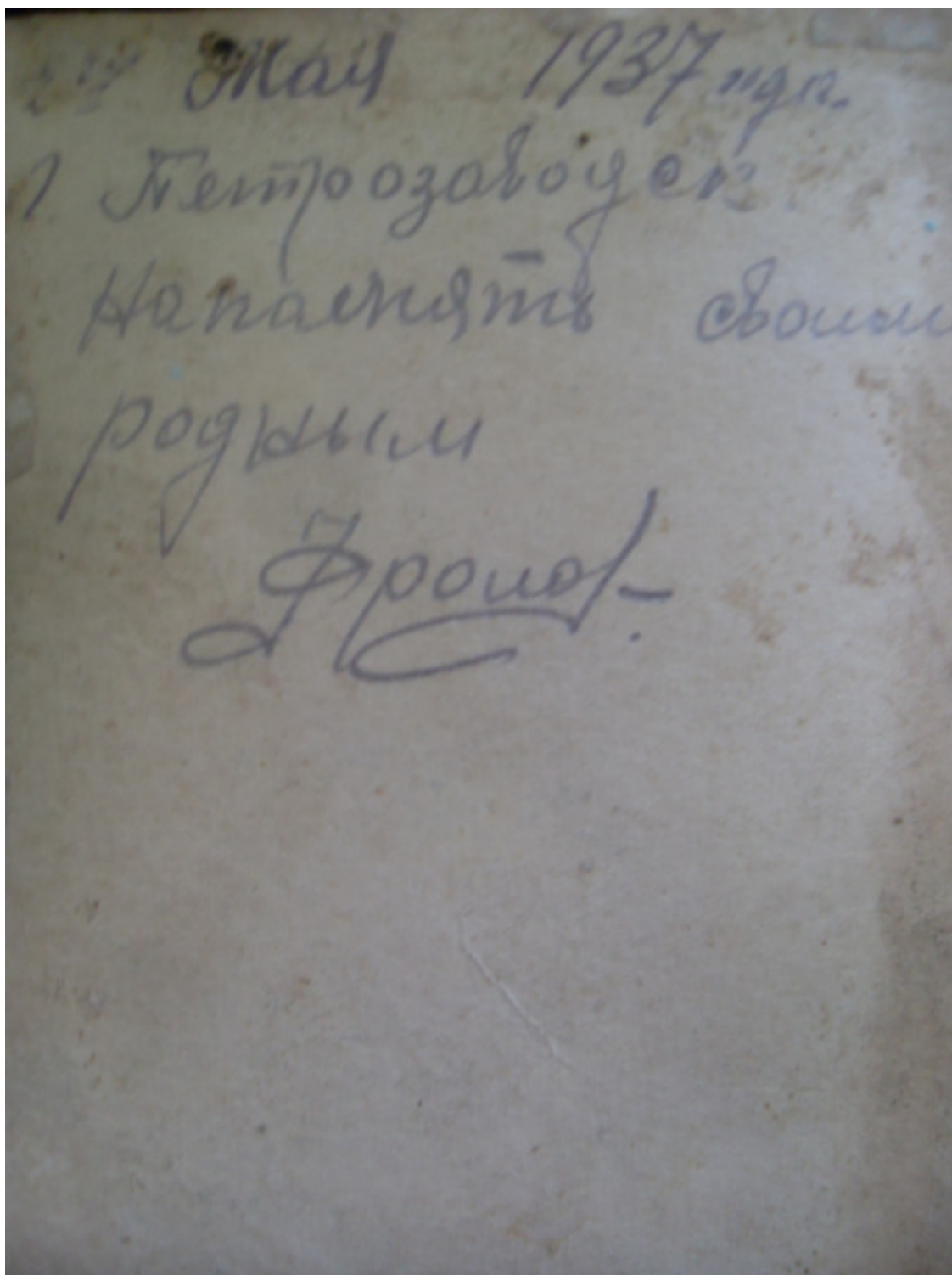
– Кажись, летит. Наш, – произнёс неуклюжий мужичок.

– Уууаавуавуаввв, – звонко заголосил пёс.

Мотор тихо гудел, еле пиликал. Советский самолет – штурмовик Ил – 2, жутко дымясь, приземлился на поле аэродрома. Он закрипел кривыми пробитыми шасси. Сильно накренился. Одно крыло тут же покосилось к траве. Пилот Фролов еле открыл полуразбитое стекло кабины. Он тяжело вздохнул. На красном лице зияла рваная рана. Треугольный кусок кожи отслоился от плоти. Кровь, пот, – всё вперемешку капало на комбинезон.

– Yyyyaaayyyaaayyy...

Пёс – дворняга Малыш тут же запрыгнул на живое крыло самолёта. Он, встав на задние лапы, прыгнул на изрешечённую кабину. Пилот Фролов, крепко приобнял руками любимую собаку. Тот принялся лизаться.

Оборотная сторона фотографии. 2 мая 1937 года. Город Петрозаводск. На память своим родным. Фролов.

– Малыш. Я победил. Я вернулся. Малыш, ты мой талисман удачи, – радостно сказал Павел.

Малыш живо облизал лицо пилоту. Радость ликовала. Глаза просто округлились. Он быстро завилял хвостом.

– Уууааауууааауууу...

– Ну, что там было. Самолёт в решето, дымит весь, – волнительно сказал механик Кирилл Сафаров.

– Ты понимаешь Кирюша. Малыш мой талисман удачи. Я думал всё. Немецкий пилот самолёта «мессер» расстреливал меня в упор. У меня уже ни патрона. Он схитрил. Улетел. Дал мне малость пострелять. А потом вернулся. Ничего. Самолёт дымиться. Весь пробитый, но летит на всех парах. Летит. Ты понимаешь.

– Чего тут понимать. Тут ремонта теперь.

– Хахахахааа... Малыш. Вот мой талисман удачи. Понимаешь. Почему он дымиться... Хахахахааа, – улыбочиво сказал пилот штурмовика Ил – 2 Павел.

– Чего тут понимать? Он радуется. Тебя измолотили всего... Чудо как ты не выпал из него.

Пёс Малыш живо закрутился возле героя. Он не скрывал безумной радости. Клыкастый зверь ликовал, быстро виляя хвостом.

– Уууууаауууу, – звонко взвыл пёс Малыш – талисман удачи.

Глава вторая

Утреннее небо пестрило холодными красками. Начало октября 1941 года не выглядело празднично. Над городом Брянском и его окрестностями сгущались томные тучи. Веял прохладный ветер. Вдали тянулись вверх тёмные трубы дыма. Они некрасиво и живо кружили. В воздухе сотрясались громкие, гулкие звуки. Где – то там грохотало не на шутку. Возле небольшого перелеска глумились вороны. Но быстро утихли. На широкой поляне, укрытый густыми ветками, таился небольшой самолёт – истребитель И – 16. Его лётчики называли «ишачок» за своеобразный и своенравный характер. Идея создания этого самолёта принадлежит знаменитому авиаконструктору Николаю Николаевичу Поликарпову. «ЦКБ-12», которым в те годы руководил Поликарпов, начали разрабатывать проект этой машины в 1932 году. Далее она много раз модернизировалась.

Боевой самолёт имел длину и высоту небольшую – 6.13 и 3.25 метров соответственно. Развивал скорость до 462 км/час. Конструкционный вес 1382 кг, а взлётный вес 1980 кг. Дальность полёта 440 км. Вооружение имелось весьма солидное два пулемёта ШКАС калибра 7.62 мм и две пушки ШВАК калибра 20 мм. К фюзеляжу механики уже подсоединили несколько бомб и ракет, которые предназначались врагу. Впереди торчал большой, стальной винт – пропеллер. Внешне небольшой и манёвренный самолёт напоминал дикого шмеля, у которого заметно раздулся нос. Его томно – зелёный цвет с чёрными полосами слегка отдавал блеском. Шасси слегка намокли. Самолёт покорно ждал своего верного пилота.

Повеял прохладный ветер. Над горизонтом тянулись грозные тучи. И они становились ещё более томными. Их наполняла тягучая гарь и копоть. В небольшой палатке защитного цвета витал запах табака. На деревянной скамье восседал пилот Павел Александрович Фролов. Он имел сосредоточенный вид. Глаза прищурились. Он держал в руках письмо, которое только что написал. И уже запечатал в треугольник. Но мысленно ещё прочитывал все строки. *«Здравствуйте мои родные и близкие. Дорогая мама не волнуйся. У меня всё отлично. Мне дали новый самолёт И – 16. Прямо реактивный. Шучу... Но он реально мощный. На нём теперь и до Берлина долететь недолго. Двигатель 9-цилиндровый, мощность варьируется в пределах 480—930 „лошадок“. У моего самолёта около восьмисот. Пушка зверь... И не одна. Как там поживают мои сестрёнки и младший брат... Наверное, уже сами рвутся в бой. Ты писала. Васька мечтает стать лётчиком. Молодец. Уважаю. Пускай, как повзрослеет, устраивается в лётное училище... Я напишу какое именно. Он толковый парень... Хотя других я не знаю... Я высылаю вам свою личную фотографию. У нас на днях был папарацци. Мужик такой смешной с усами и бородой. Прямо весельчак. Ещё и шутил много. Прямо анекдот ходячий. Его бы в самолёт мой посадить и прокатить немного. А ещё сделать мёртвую петлю Нестерова... Он бы сразу стал поменьше шутить... Но мужик вроде толковый... У меня недавно был воздушный бой с немецким „Ме – 109“. Тот нагло полетел в наш тыл. Меня подняли по тревоге. Он меня поливал, как из трубы. Но всё мимо... Мой малыш крутился так, что из виду пропал. Прямо чудеса. Наверное, он оценил. Затем я вышел прямо на него... Лоб в лоб смотрели самолёты... Тут – то он и попался. Я врубил свои пулемёты и пушки Швак. Ему мало не показалось. Тот загорелся и задымился. Тут же пошёл вниз. И дым за ним трубой валит. Где – то упал на небольшое поле. И взорвался вдобавок. Прямо клубок синего огня над ним полетел. Отлетал один. А у меня несколько отверстий на фюзеляже насчитали... Васька Адамов тоже был в бою. Только в другом. Его самолёт подбили. Но он первым сбил „Ме – 109“. Тот улетел непонятно куда. А потом сам посадил свой самолёт в поле. Правда, досталось сильно. Ему новый самолёт выписали „Як – 9“. Вот так и живём. Всё будет замечательно... Со мной мой верный и любимый пёс Малыш. Куда я без него? Он же мой талисман удачи. На то он и талисман. И с ним я как за каменной стеной... Он всё такой же игривый и шальной.*

Прямо, как я в детстве. Он вам передаёт большой привет. Сейчас сидит рядом со мной... Мою маску жжёт... Шучу. Просто слюнявит на лёгкую дорожку. Вы знаете... Пока. Ваш самый лучший лётчик Пашика», – написал он. Павел бегло осмотрелся. Он, выпрямив широкую спину, выдохнул. И тут же положил своё письмо на стол. Он слегка улыбнулся. Глаза засияли.

Пёс Малыш чуть вытянулся. Он любопытно смотрел на своего боевого приятеля. А тот глянул на лица боевых друзей. На соседней скамейке восседали молодые лётчики Даниил Громов и Платон Варилкин. Рядом находился командир взвода Савелий Буров. В дальнем углу восседал связист Тимур Головин. Он был самым молодым из всех. Ему недавно исполнилось девятнадцать лет. Лицо светло-белое, – глаза узкие цвета мульти мармелада, нос прямой небольшой, как камешек на берегу моря, щёки плоские с морковным оттенком, губы тонкие цвета алого. Тело стройное и жилистое. На нём плотно сидела светло – зелёная гимнастёрка. Он имел сосредоточенный вид. И кого-то – то отчаянно вызывал на связь.

Командир 11 смешанной эскадрильи и авиаполка Савелий Буров отличался строгой выправкой. Лицо суровое медное, – причёска короткая, волосы чёрные и короткая чёлка всегда вверх, глаза томные цвета угля, на правой щеке заметный шрам, губы тонкие цвета сажи, подбородок двойной. Он носил небольшие, тёмные усы. На голове красивая фуражка со значком в виде красной звезды. Он имел коренастое, плотное тело. На нём сидел чёткий гладкий китель. На нём красовались ордена. Кожаные ремни свисали строго и прямо вниз. На широком ремне висела кобура, где прятался пистолет ТТ. Савелий глубоко вздохнул. Он участвовал во многих боевых операциях. Во время боёв в Испании, его И-16 на равных сражался с самым мощным на тот момент немецким истребителем «Messerschmitt Bf.109C», которыми была укомплектована ударная группа «Кондор». С американскими и английскими истребителями его И-16 впервые столкнулся во время войны в Финляндии. Ещё он принимал участие в воздушных боях вооружённого конфликта, продолжавшегося с весны по осень 1939 года у реки Халхин-Гол на территории Монголии. Капитан всегда выходил победителем из боя. Хотя ему тоже доставалось с лихвою. Особенно ему был памятен бой в небе Мадрида. Его «И – 16» атаквали сразу два Люфтваффе. Фюзеляжу самолёта сильно досталось. И чиркнуло по щеке пилота снарядам. Лицо быстро затекло кровью. Но капитан ещё больше озарился. Он крепко обуздал штурвал своего родного «ишачка». Мотор взревел, как дикий пчелиный рой. Самолёт выдал невероятную манёвренность. Он лихо закрутился, выполняя высший пилотаж в виде бочки. Трассы пулевые свистели рядом. Самолёт ушёл с линии огня. И тут же вылетел на оперативный простор. «Messerschmitt Bf.109C» был на мушке. Капитан открыл огонь из всех орудий. И тот задымился, как труба из печки. И тут же уклонился в сторону. Вражеский самолёт стал быстро терять высоту. Его мотор загудел неровно. А потом раздался мощный взрыв. И ввысь потянулось огненное облако. И показался белый пепел. Но на большой высоте он был просто незаметен.

Облака неясные развеялись. И вновь началась дикая стрельба. Теперь «ишачок» был на мушке. И понеслись огненные, шальные трассы. Капитан Савелий Буров крепко вцепился в штурвал. Лицо в крови. Руки, как у маэстро бьют по клавишам. Он и самолёт «И – 16» одно целое. «Ишачок» закрутился нереально быстро вокруг своей оси. Пули трассирующие, свистя, пролетали мимо. Но некоторые били по фюзеляжу. И несколько частей просто отломилось. Они разлетелись в разные стороны. Капитан заорал, как ненормальный. Он не привык быть мишенью. И резко нырнул в облака. Он хитрил. Самолёты, взяв определённую высоту, летели навстречу друг другу. Словно дуэлянты сошлись, чтобы решить однозначно, кто прав. Но «И – 16» был выше своего оппонента. И забарабанили гулко мощные пулемёты. Цельнометаллический корпус «Messerschmitt Bf.109C» затрещал. Но был крепок. Все же дрогнул сам пилот Хикс. Его стройное тело просто изрешетила струя пулемёта Шкас. Он затрясся, как прокажённый. «Заточенные» под винтовочный патрон снаряды не оставили на нём живого места. Маска затекла кровью. Его сухожильное лицо смялось. Глаза потухли, как фонари на автомобиле.

Он грузно завалился на штурвал. Самолёт противника, слегка задымившись, пикировал в бездну. Но досталось и капитану Савелию. Пуля противника шальная пробила плечо насквозь. Кожаная куртка затекла кровью. Боль пленила аса. Рука не слушалась. И его «И – 16» закрутился, как вихрь. И сразу попал в штопор. Но всё же опытный лётчик посадил безопасно свой истребитель в поле. Сейчас капитан прямо посмотрел на своего верного бойца. И, казалось, хотел, что – то сказать. Но промолчал. Он взял паузу, которая затягивалась. Молодые лётчики Даниил Громов и Платон Варилкин бегло переглянулись. Они слегка улыбнулись. Но всё же в их симпатичных лицах витало напряжение.

Лётчик Павел Фролов, подмигнув своему псу, положил письмо на стол. Он слегка улыбнулся, взирая на своих боевых приятелей.

– Вот. Письмо домой... Сейчас написал... Надо бы передать... Да и пора бы уже в небо, – сказал он.

– Не газуй... Всегда успеешь... Письмо передадим... Не волнуйся, – ответил капитан Буров.

– Там сейчас жарко...

– Что – то долго? Уже бы прилетел Валера.

– Не каркай. Прилетит... Никуда не денется...

– И связь оборвалась с ним... Что – то тут не так...

– Валера Чокин опытный пилот... Он знает, что надо делать... Прекратить панику...

Связист Тимур Головин снял с головы наушники. Он бегло посмотрел в сторону боевых товарищей. Капитан вытянулся.

– Что? Говори... Не тяни Тимур..., – резко сказал капитан Буров.

– Капитан... Немцы оборону прорвали... И... Нас в кольцо зажимают со всех сторон. Брянск скоро совсем в кольце будет... Танки... Много танков. С Валерой Чокиным связь совсем пропала..., – ответил связист.

Капитан Савелий Буров слегка помрачнел. Глаза немного потускнели. Но решимости не занимать. Он крепко в руке сжал папиросу. Лётчики быстро переглянулись. В глазах показалось смятение. Мысли путались. Но воли и отваги не занимать.

– Так... Ясно... Паша поднимайся в небо... Самолёт готов... Устроим там оккупантам настоящий ад. Сделай всё, что можешь... И проводи разведку, – решительно сказал капитан.

– Есть товарищ капитан..., – боевито ответил ас Павел Фролов.

Лётчик Павел поднялся со скамьи. Он бегло глянул на своих товарищей. Те слегка ожились. Все встали, как на парад. И Пёс Малыш тут же поднялся на все четыре лапы. В пасти он зажимал маску пилота. Глаза сияли. Он слегка завилял пушистым хвостом. И смотрел прямо на хозяина. В палатку прошёл механик Фаддей Стриженов. Он имел вид упитанного кабана. Лицо округлое багряное сальное, – глаза круглые светло – голубые, нос, как медный пятак, губы широкие полные, подбородок сливался с упитанной шеей, и виднелась заметная тёмная щетина. Тело походило на бочку. Руки мощные имели вид стальных дуг. Он ими легко сворачивал гаечные ключи и всякие железные прутья. Слыл невероятным силачом. Сейчас он походил на дикого мамонта, который вдруг ожил. Его глаза на вид шальные округлились. Брови напряглись.

– Фаддей. Всё в порядке..., – спросил капитан Буров.

– Всё в полном порядке. Самолёт готов к вылету... Правда... Сами знаете... Бензина только на полбака. Патронов тоже не шибко. Но пострелять хватит... Там есть... Достаточно. Я проверял..., – заявил механик Стриженов.

– Ясно... Паша. Ты всё слышал... Как выполнишь задачу... Сразу возвращайся. Самое главное бомбы..., – сказал капитан Буров.

– Да... Я знаю...

– Тогда вперёд... Задай врагу жару, – решительно добавил капитан.

– Попутного ветра Паша...

– Да... Удачи тебе...

– Знаю... Давайте... Увидимся... Чего там..., – сказал Паша.

Капитан крепко пожал руку своему пилоту. И тут же его обнял, как лучшего друга. Лётчики присоединились. Они пожали руку приятелю. Паша широко улыбнулся.

– Вперёд Паша... Мы с тобой...

– Да... Дерзай Паша...

– Да... Всё сделаю, что могу... Пойдём Малыш..., – сказал пилот, бегло глянув на пса.

Небо выглядело невзрачным и слегка туманным. Вдали тянулись сумрачные облака. Казалось, они рождались гарью и пеплом. Где – то там громыхало не на шутку. Веял лёгкий ветерок. Паша живо зашагал по травянистой поляне. Его обуяла осенняя, лёгкая свежесть. Механик Фаддей живо убрал с самолёта все широкие ветки. Листья полетели в сторону. Теперь самолёт предстал во всей красе. Он был готов к полёту. «И – 16» отдавал блеском на томно – зеленоватом фюзеляже. Паша, глубоко вздохнув, выпрямил спину. Глаза наполнились дневным озарением. Там отражалась реальность. Механик Фаддей взял в руки парашютный рюкзак. И тут же накинул его на спину пилота. Тот принял свою экипировку. И живо застегнул ремни. Фаддей проверял. Он слегка волновался. Но это особо не ощущалось. Паша крепко пожал руку своему боевому приятелю. И тут же ловко заскочил в кабину.

– Паша... Маску забыл..., – весело сказал Фаддей.

– Хахаааа... Не забыл... Малыш... Давай мне маску... Пора лететь..., – заявил пилот.

Пёс Малыш, сидя возле самолёта, крепко зажал в пасти маску. Он слегка помотал головой. Он умело скрывал волнения. Слово не хотел никуда отпускать своего любимого приятеля. Глаза сияли. Питомец прямо смотрел на хозяина.

– Уууууааауууу, – тихо заурчал кобель.

– Малыш... Маску... Ты чего? – боевито сказал Паша.

– Уууууууууууу, – заурчал пёс.

– Малыш... Маску...

Повеял лёгкий ветер. Пауза несколько затянулась. Пёс Малыш всё же живо вскочил на крыло самолета. Он вытянулся, взирая на хозяина. Паша тут же взял свою маску пилота. На ней имелись заметные слюни пса. Тот всё стоял на задних лапах. И смотрел на лицо верного друга. Паша живо примерил на себе маску. Он бегло осмотрел все приборы. И одарил пса своей улыбкой. Рукой погладил того по голове.

– Малыш... Всё будет отлично... Ты молодец... Ты мой талисман удачи. Не забыл... Хаахааа..., – заявил пилот Паша.

Механик Фаддей глубоко вздохнул, взирая на пилота. Он чуть отошёл в сторону от самолёта. И пёс метнулся следом. Он присел. А его мокрый нос смотрел только в одну сторону. Глаза округлились. В них отражалась реальность. Паша ловко закрыл свою кабину стеклянной решёткой. Самолёт «И – 16» загудел мотором. Пропеллер живо закрутился, набирая скорость. А затем и вовсе исчез из видимости. «Ишачок» быстро покатылся по полю на своих шасси. Колёса лихо закрутились. Пилот крепко вцепился в штурвал. Самолёт быстро удалялся. Он слегка, как будто подпрыгнул на кочках. И, казалось, сейчас вновь коснётся земли. Но «И – 16» взлетел, как истинный хищник. Он запарил в воздухе. И стал быстро набирать высоту. Мотор заревел ещё мощнее и сильнее. Пилот Паша Фролов бегло осмотрелся. Он живо взял свой курс в сторону города Брянска. Самолёт, набрав приемлемую высоту, чуть накренился. Он великолепно пикировал. И живо превращался в точку, глядя с небольшого аэродрома. Механик Фаддей махнул рукой. Он ещё смотрел ввысь, провожая самолёт. Пёс Малыш сидел рядом. И тоже провожал взглядом своего любимца. А тот уже был далеко. Его самолёт мощно мчался на высоте, разрезая крыльями плотные воздушные массы.

Веял резкий пронзительный свистящий ветер. Над городом Брянском набухали тёмные тучи. Вверх то тут, то там тянулись глыбы тёмного дыма. Самолёт «И – 16» живо помчался над самым городом. Пилот, потянув за штурвал, заметно снизил высоту. Он чутко присмотрелся. Глаза округлись. Лицо напряглось, выказав яростное недовольство.

– Вижу танки... Иду на сближение... Начинаю сбрасывать бомбы..., – произнёс он.

Ветер свистел. На разбитой дороге в окрестностях города двигались немецкие танки и бронемашины. Колонна в основном состояла из чехословацких лёгких танков Pz.38. Во главе шествия двигался тёмно – стального цвета танк. Его гусеницы чуть скрипели. На башне красовались цифры 512. Его тонкая короткоствольная пушка смотрела прямо. Из люка кабины выглядывал радист Фройс. Он имел жилистое белое лицо, – глаза узкие цвета зеленоватой окиси, нос чуть витой и тонкий, щёки плоские, губы сухие белые. Казалось, он сам был выплавлен на заводе из лёгких сплавов. Он жеманно улыбался. И смаковал элитные сигареты. Дымок плавно тянулся над его лысой головой, где косо сидела пилотка. Фройс чуть напрягся. Глаза округлились. Казалось, он заметил приближение летающего объекта.

– Шайсе... Русский самолёт... Воздух... Я вижу самолёт... Всем внимание... *«Shaise... Russisches Flugzeug... Luft... Ich sehe ein Flugzeug... Aufmerksamkeit für alle»*, – закричал он.

Самолёт «И – 16» живо снижался. Пилот Павел крепко руками схватился за штурвал. Он не спускал глаз с вражеской колонны бронетехники. И тут же пошёл на пике. «Ишачок», шумя мотором, резко пронёсся над колонной танков на высоте десяти метров. Он, словно дикий орлан, тут же выпустил из когтей свои нацеленные бомбы. Паша дёрнул за ремни. И снаряды посыпались прямо на танки. Самолёт живо улетел далеко в сторону.

Повеял резкий ветер. Воздух сотрясли гулкие взрывы. Головной танк сильно трянуло. У него разбегались стальные гусеницы. Взорвался бак. И повалило сильное пламя вверх. Радист Фройс мигом обуглился. Лицо почернело. И слезла с плоти вся кожа. Мигом оголились кости. Его незащищённый торс и спину просто изрешетили осколки. Он задёргался, как прокажённый. Он так и повис замертво на стальной броне, как будто горящая кукла. Его тело охватил мощный огонь со всех сторон. Второй танк Pz.38 под номером 535 просто разорвало на части. Он загорелся со всех сторон. Танкисты разлетелись по кабине. Их тела неистово размозжило. Вверх потянулся едкий дым. Третий танк сильно покривился. Его башня медленно покати-лась вниз. Она съехала и уткнулась пушкой в землю. Дым тёмный и непроглядный застилал всё вокруг. Тела посыпались неестественно на землю. Они горели синим пламенем. И отдавало сильной гарью. В середине колонны раздался мощный взрыв. Танк под номером 637 просто подпрыгнул. Казалось, разорвались все его боевые снаряды. И башня рассыпалась. Сам кувырнулся. Весь боевой комплект взлетел на воздух. Над танком образовалось огненное облако. Его след понёсся далеко ввысь. Ещё несколько танков покосилось. У них раскатились гусеницы. Одна бронемашина запрокинулась на бок. Она завалилась в глубокую сырую грязную канаву. Из подбитого танка и бронемашины выскочили тёмные фигуры. Они хаотично забегали. Кто – то из экипажа горел заживо. Началась паника.

На высоте птичьего полёта ветер резво свистел. Самолёт «И – 16», живо выдав небольшую петлю, вылетел на оперативный простор. Пилот Павел Фролов крепко держался за штурвал. Он бегло осмотрел дорогу, где встала немецкая бронетехника. Глаза округлились. Мысли томились не шуточные. *«Ну... Как вам такое оккупанты... Тут вам сладко не будет... Я ещё только начал... Сейчас я вам задам жару... Не ту вы дорожку выбрали... Олухи. Сейчас я вам ещё врежу... АААА. ААА...»*, – подумал он. Паша, выровняв самолёт, нажал на ручку пулемётов. И тут же засвистели шальные снаряды. По дороге понеслись пулевые трассы. Они коснулись горящего танка. И сталь выдала искру. Штурман Пикс быстро побежал по дороге в сторону поля. Но резко остановился. Его спина чуть изогнулась. Он потянул свои руки назад, точно хотел дотронуться до лопаток. Его спину просто изрешетили пули пулемёта Шкас. Он

живо завалился на землю. И замер, лёжа ничком. Вместе с ним покосилось ещё несколько фигур.

Веял резкий ветер. Самолёт «И – 16» быстро выдал небольшой круг. И вновь зашёл на огневую оперативную позицию. Мотор взревел. Пилот, прицелившись, нажал на курок пулемётов. Они гулко забарабанили.

– ААААА... ААА... Вот вам горячий привет от капитана эскадрилий Букова... От наших всех бойцов... ААААА... ААА, – громко закричал пилот Паша.

Самолёт чуть накренился. И быстро – быстро полетел, скрывшись в туманном облаке. Мотор работал чётко. Пропеллер яростно гудел. Пилот быстро осмотрелся. Наверху стусилился лёгкий туман. Веяло холодом. Дали завораживали своей необъятной красотой. Паша слегка прищурился. Он пристально уставился на тёмные точки, которые становились всё объёмнее и заметнее. На горизонте появились немецкие самолёты «Хе – 111» в количестве трёх самолётов. Их сопровождал штурмовик «Ме – 109». Его пилот Люфтваффе Швепс был начеку. Он обладал отменным лётным чутьём и реакцией. Лицо, как мордочка жуткой кобры. Глаза светло – содовые с оттенком глянца. Нос короткий со шрамом. Губы полные цвета багряного помола. На нём плотно сидела чёрная кожаная куртка. Он имел высшее звание лейтенанта. И уже не раз опробовал себя в воздушных боях. Имел медаль – железный крест. Сейчас он сопровождал свои бомбардировщики. И жаждал вступить в бой.

Веял резкий ветер. Из неясных облаков живо вылетел самолёт «И – 16», как лютый ястреб грозился расправой. Пилот Паша Фролов надавил на гашетку. И его пулемёты мощными огненными струями тут же облюбовали кабину и фюзеляж бомбардировщика «Хе – 111». Пилот Руди затрясся, как прокажённый лихорадкой. Его тело изрешетили пули. А треснутое стекло забрызгало кровью. Он сам грузно навалился на рычаги управления. Радиоаппаратура вышла из строя. Самолёт заметно задымился. И тут же стремительно стал снижаться. Он завалился на правое крыло и задымился.

Веял резкий ветер. На высоте гуляли томные облака. Самолёт «И – 16» словно в воду нырнул. Он миглом улетучился в мутное, цвета снежной пыли поднебесье. «Ме – 109» оживился. Пилот Швепс взял цель. Он, заприметив соперника, крепко вцепился за штурвал. Его самолёт живо спикировал. И быстро полетел, набирая скорость. И резво сел на хвост своему быстроходному неприятелю. Гулко забарабанили мощные пулемёты «Ме – 109». «Ишачок» закрутился, как карусель на ярмарке. Пули свистели рядом. Несколько крупных снарядом поломали обшивку. Заскрипело крыло. Пилот Паша изворачивался, как мог. Брюхо фюзеляжа тоже слегка облюбовали пули. Пилот Швепс ещё сильнее надавил на свой курок. Трассирующие огненные трассы обрисовали полукруг.

– ААААА... Я тебя на куски порву... Русский Ванька... Я тебе кишки выбью сейчас выродок... Ты от меня не уйдёшь... АААА... ААА, «ААААА... *Ich werde dich in Stücke reißen... Russische Vanka... Ich werde jetzt deinen Mut ausreißen. Du verlassst mich nicht... Aaaa... Aaa*», – яростно закричал Швепс.

Веял резкий ветер. Кругом плотный воздух заполняли томные, рваные облака. Гонка дикая и убийственная продолжалась. Самолёт «И – 16» всё же был послушен. Пилот направил свой агрегат в мутное облако. И тут же резко спикировал в правую сторону. Мотор взревел. Паша выдохнул. Он бегло осмотрелся. Его самолёт стремительно вылетел из призрачной воздушной массы. Соперники сошлись. И, казалось, смотрели друг на друга. Воздух сотрясли гулкие выстрелы. Пилот Швепс на своём «Ме – 109» пустил струи трассирующих пуль. Он был горд и уверен в себе. Но немного просчитался. «И – 16» извернулся на сто градусов. И тоже его пулемёты не замолкали. Всё же щёлкнул затвор. Магазины боевого комплекта были пусты. Пилот Паша несколько растерялся. Глаза округлились. Вражеский самолёт живо приближался. Но он заметно западал всё ниже и ниже. И пулемёты затихли. Пилот Швепс уже навалился на бок своей кабины. Изо рта текла кровь. Пуля шальная пробила ему селезёнку

и шею насквозь. Он отдал концы и уже не сопротивлялся. Его самолёт шёл на пике. Моторы жутко взревели. Он прямо носом ударился в землю широкого поля. Самолёт смяло. Но фюзеляж выпрямился и брюхом завалился на траву. Всполохнуло пламя. Прогредел мощный взрыв. И облако яркого огня подалось высоко – высоко над горизонтом. Потянулся ввысь тёмный, мрачный дым.

Ветер только усилился. Томные облака, казалось, несколько развеялись. Вдали красовались невероятные пейзажи. Огромные просторы завораживали дух. Самолёт «И – 16» гулко загудел мотором. Пилот Паша Фролов крепко держался руками за штурвал. Он бегло осмотрелся. Мысли томили. *«Вот же... В наш тыл летят изверги... Ничего не пройдут... У меня патроны закончились... Горючка на нуле сейчас будет... Всё абзац... Не выйдет. Русские не сдаются. На таран возьму... Один сбить самолёт смогу. Уже не зря в воздух поднялся... Глядишь, ещё и посажу... Собыю гада... Хе – 111. Держись... Я тебя на таран сейчас возьму оккупант ты бешеный...»*, – быстро решил он. Паша резко вывернул штурвал. Его самолёт живо полетел за неприятельским бомбардировщиком «Хе – 111». И живо нагнал. «И – 16» зашёл во фланг. Своим передним краем самолёт ударился о хвостовую часть немецкого бомбардировщика. И тот закружился тут же. И быстро начал терять высоту. Его сопровождал томный след в виде мощной струи тёмного дыма. «И – 16» сильно дёрнуло в момент жуткого столкновения. Пропеллер встал. Двигатель заглох. Повалил дым, дико змейкой. Паша крепко схватился за штурвал. Глаза округлились. Сейчас он походил на дикого мустанга в большой степи. И просто не знал, куда ему идти.

Повеял резкий, сильный ветер. Самолёт «ишачок» резко попал в штопор. И тут же стремительно стал терять высоту. Его держали только широкие боковые крылья. Пилот Паша не терял из рук штурвал. Он взялся за дело. Самолёт нереально закружило. А земля становилось всё ближе и ближе. Скорость падения ужасала. Но всё же самолёт ещё вертелся в воздухе. Пилот напряг все свои развитые жилы. Глаза невероятно округлились, как у дикой рептилии. Ветер хлестал, казалось, отовсюду. Вся жизнь пролетела перед глазами. Дышал неровно. А моментами совсем не дышал. Лицо наполнилось тонким влажным блеском. Тело обуял жар. А самолёт всё кружил и падал. Штопор был преодолён. Высота быстро и стремительно терялась. Близилась земля. Брюхо фюзеляжа облюбовала верхушки высоких, голых деревьев. Вся рама закричала. Самолёт заметно завалился на правый бок. И резко срезал своими крыльями несколько ветвей. И посыпались крепкие удары. Вылетели стёкла кабины. Пилот Паша Фролов, выпустив шасси, замотался в разные стороны, как шальной. И разбил себе лоб до крови. Там появилась глубокая ссадина. Под правым глазом показала большой синяк. Он ударился об фюзеляж. Самолёт, заметно дымясь, рухнул на землю. И тут же обломал шасси. Колёса отлетели в сторону. И покатались немного. «Ишачок» завалился на брюхо. Его потащило силой, которая ещё властвовала над ним. Движок заметно дымился. Вверх тянулась дымка, как змейка. Паша сильно ударился головой о борта и об передний край рулевого управления. Его потрянуло не на шутку и оглушило. Из носа брызнула кровь. Он сам впал в беспамятство. И тут же завалился на бок. Сильно ушиб руки. Но ничего себе не сломал. Из уха потекла кровь тонкой струйкой. Всё же пилот тихо дышал. Лицо багряное скрывала маска. Мастерство и хладнокровность вождения самолётом его не покинули. Он был в себе. Но на некоторое время потерял все ориентиры и координацию движения. Он лишился чувств.

Глава третья

Небо всё больше наполнялось мрачными горючими осадками. Вдали кружили столбы тёмного, едкого дыма. Где – то там гулко громыхало. Веял прохладный, лёгкий ветер. В небольшом перелеске тихо шуршали листья. Казалось, они хотели о чём – то рассказать. Неподалёку кружили вороны. Они подали голоса. Но быстро умолкли. И разлетелись в разные стороны. На узкой дороге замаячили томные фигуры. И загудели моторы. Немецкая бронемашина защитного цвета тихонько двигалась по травянистой поляне. На кузове мелькал белый квадратный крест. Мотор работал ровно, как часы. На стальные гусеницы наворачивалась трава и кочки. За пулемётом стоял молодой солдат Фрокс. На голове плотно сидела квадратная каска. Лицо белое, – глаза узкие цвета мутной окиси, нос прямой острый, щёки плоские, губы тонкие с оттенком пепла. Сам стройный и даже больше жиденький. Рядом стоял широкий, высокий офицер СС Штили. Он имел округлое румяное лицо, – глаза круглые, как у дикого кота, нос небольшой плотный, на нём виднелась порванная ноздря. Но рана, казалась, уже давнишней. Рот широкий, губы тонкий сухие битые цвета пустынного песка. На нём красовался высокий кожаный плащ. Под ним имелся гладкий китель, на котором восседал железный крест. На поясе весела кобура, где таился пистолет – люггер. На шее свисал ремешок от небольшого бинокля. Штили, махнув рукой, остановил бронемашину. За ней гудел мотором мотоцикл с коляской. На нём восседали автоматчики. За руль держался опытный Карл. Он имел сумрачный вид. Его медное лицо претерпело жуткое ранение. И на правой щеке виднелись следы от гранатных осколков. Казалось, его просто обожгли кипятком. Один глаз казался меньше другого в разы. Он почти смыкался. В коляске сидел пулемётчик Бромс. Молодой пехотинец выглядел старо. Хотя ему исполнился только восемнадцатый год. Лицо испепеляли тонкие длинные морщины. Загар придавал отдельную вялость кожи. Глаза зеленоватого цвета отдавали блеском. На нём слегка дрыгала квадратная каска. На ней красовалась свастика.

Повеял резкий ветер. Чуть в стороне замаячила ещё одна немецкая бронемашина с оттенками пожелтевшей листвы. На ней тоже красовался нацистский белый крест. Она тихонько ползла по полю в сторону оголённого перелеска. Водитель Жан – худощавый хмурый солдат сбавил ход. Мотор чуть затих. Из стальной кабины тут же показались автоматчики. Они стали выпрыгивать прямо на ходу бронетехники. Томно – зеленоватые фигуры в полной боевой экипировке задвигались цепью. Они имели разное вооружение. Кто – то держал в руках автомат МП – 40, а кто – то владел карабином Mauser 98k. Впереди всех держался весьма молодой, но опытный лейтенант СС Нарло. Он крепко держался за трофейный автомат ППШ. Офицер СС смотрел прямо. Лицо медное, – глаза круглые шальные цвета углеводорода, нос чуть витой, губы тонкие с оттенком белого пепла. Его лик напоминал морду кобры в момент атаки. Комбинезон защитного цвета скрывал на его торсе боевые награды и значки отличия. На голове плотно сидела фуражка. На ней имелась свастика в виде значка – черепа. Нарло слегка махнул рукой, чутко озираясь по сторонам. Он тихонько двинулся вперёд. За ним потянулись все фигуры.

Повеял резкий, прохладный ветер. Бронемашина остановилась, находясь неподалёку от перелеска. Офицер СС Штили живо замахал рукой, где виднелось томное облако дыма.

– Живее туда... Самолёт упал в этот пролесок. Общайте его... Найдите лётчика. Если он ещё жив. Взять в плен... Если окажет сопротивление, расстрелять на месте... Обыскать перелесок... Всё обыскать. Каждый куст. Он не должен уйти... «Wohnen Sie dort... Das Flugzeug stürzte in diese Rasierlinie. Suchen Sie ihn... Finden Sie den Piloten. Wenn er noch lebt. Nehmen Sie Gefangene... Wenn er sich wehrt, schießen Sie auf die Stelle... So suchen Sie den Überlauf... Suchen Sie alles. Jeder Busch. Er sollte nicht gehen», – смело заявил Штили.

– Есть... Сейчас... Солдаты... Живо за мной... Идём цепью... Нужно найти лётчика... «Haben... Sofort... Soldaten... Lebhaft hinter mir... Wir gehen in eine Kette... Wir müssen den Piloten finden», – заявил обер-лейтенант Нарло.

Веял прохладный ветер. Из перелеска тянулся тёмный дымчатый шлейф. Он витал в воздухе, словно пьяный. Автоматчики живо пошли по территории небольшого пролеска. Офицер Штили закурил сигарету. Дымок плавно потянулся над его головой. Порочное лицо выражало лёгкое недовольство. Он снял с головы фуражку. И тут же быстро обтёр белым платочком свой высокий, медный, вспотевший лоб. Он крепко затянулся табачным дымом. Глаза прищурились. Он слегка потянулся, чтобы осмотреться. И тут же использовал свой бинокль.

Ветер чуть поддувал. Веяло гарью. Самолёт «И – 16» заметно дымился. Вверх поднималась томная дымка, как змейка. Пилот Павел Фролов очнулся. Голова кружилась. В глазах зарябило. Он заглотил ртом воздуха, как судак в лодке. И дыхания не хватало, чтобы ощутить полную кислородную свободу. Томили боли. Лицо заметно затекло кровью. И уже появился глянец. Местами багряная влага засохла. В ушах стоял звон. Он еле – еле скинул с себя треснутые очки лётчика. И попытался приподняться. Но ноги не слушались. Не хватило сил, чтобы подняться. Паша глубоко вздохнул. Он бегло осмотрелся. Впереди уже маячили томно – зеленоватые фигуры. Они двигались цепью. Впереди уже показалось порочное лицо офицера СС Нарло. Он слегка ухмыльнулся, держа в руках автомат ППШ. Солдаты вермахта живо окружили разбитый самолёт. Они бегло переглянулись.

– Руки вверх русская сволочь... Вылезай из самолёта... И держи руки высоко... А то расстреляю, как собаку... «Hände bis russische bastard... Raus aus dem Flugzeug... Und halten Sie Ihre Hände hoch... Ich werde dich erschießen wie ein Hund»..., – заявил Нарло.

Веял лёгкий ветер. Чуть заколыхалась редкая листва на деревьях. Пилот Паша Фролов чутко осмотрелся. Глаза округлились. Его рука потянулась к кобуре. Он достал пистолет ТТ. И крепко сжал. Но стрелять передумал быстро. *«Вот же сволочи. Окружили уже. Откуда они тут взялись... Видать. Правда... Мы уже в тылу у немцев... Не убежать. Их много... ААААА... ААА. Кажется, я себе сильно ноги ушиб... Но ничего не сломал... Всё же посадил самолёт... Теперь меня окружили. Вот же хрень. Что он там бормочет? Наверное, приказал выходить из самолёта... Всё же я его посадил... АААА. ААА. Надо выходить. А если пальнуть в гада. Не вариант... Их много. Придётся, вылезать и руки вверх... АААА... ААА... Откуда они тут так быстро появились... Неужели прорвали всю нашу оборону... Вот же сволочи.»*, – подумал он. Паша, убрав пистолет в сапог, выдохнул. Он, потянувшись, еле поднялся на ноги. Но стоял уверенно. Он, отстегнув парашют, поднял вверх руки. Но голова кружилась. Из раны на лбу подтекала кровь. Он сморкнулся, глядя на офицера.

– Вперёд. Быстрее русская сволочь. Вперед. Вперёд. Живее... Быстрее. Иди вперёд... «vorwärts. Schneller russischer Bastard. vorwärts. vorwärts. Lebendiger... Schneller. Nur zu», – заявил офицер Нарло.

– ААААА... ААА... Вот же прибежали... Ничего. Сволочи... Быстро они меня окружили... Сколько я тут просидел... АААА... ААА, – простонал Паша.

Повеял прохладный ветер. Паша Фролов, приподнимая руки, осмотрел офицера. Тот имел порочное лицо. И сейчас походил на дикую сущность из подводного мира. Пилот недоумевал. *«Вот же мерзавец. Наши автомат в руках держит. Значит, прорвали оборону... Врекать бы ему по первое число... Да нельзя сейчас... Надо момент выждать...»*, – подумал он. Паша слегка помотал головой. В глазах чуть рябило. Боль всё время напоминала о себе. В голову лезли всякие мутные мысли. Они мешали сосредоточиться. Сердце забилося быстро. И ощущалось его биение.

– Руки вверх...

– Русский офицер. Лётчик...

– Откуда он тут взялся?

– Хаахаааа... Оружие есть. Руки выше... Где твоё оружие? Документы где? – спросил Нарло.

Небо ковало томные сумрачные облака. Веял прохладный ветер. Вдали гремело. Паша, стоя возле офицера, слегка помотал головой. Он, приподнимая, держал руки на ширине плеч. На лице зудела кровавая рана. Она донимала. И глаз левый затекал кровью. Паша выдохнул, бегло глянув на своих коварных неприятелей. Офицер Нарло махнул автоматом. И слегка прищурил хищные глаза.

– Обыскать... «Suche», – заявил он.

Повеял лёгкий ветер. Паша слегка вздрогнул. Он бегло глянул на солдат вермахта. Автоматчики принялись быстро его обыскивать. Но тут же отошли в сторону. Лейтенант Нарло, грозя оружием, сделал шаг вперёд. Он смотрел прямо на лицо советского лётчика. Словно хотел, что – то высмотреть.

– Очень хорошо. Значит, ты русский лётчик... Ты пойдёшь с нами. И будешь сотрудничать. Иначе я тебя лично положу... «Sehr gut. Sie sind also ein russischer Pilot... Sie kommen mit uns. Und Sie werden zusammenarbeiten. Ansonsten lege ich Sie persönlich hin», – заявил он.

Паша недоумевал. Он чуть прищурил глаза. Боль томила. Кровь заливала лицо. Он тяжело вздохнул, совершенно не понимая немца. Мысли путались. *«Куда? Они меня хотят вести, что ли куда – то? Вот же набежали. Их слишком много. Чтобы бежать... Не успею... Да и куда? Надо осмотреться. Пистолет они не нашли... И то хорошо... Но их много. Куда бежать? Одни поля да перелески...»*, – подумал он. Паша глубоко вздохнул. Он держал руки поднятыми. Офицер зорко смотрел на лицо пленного. Он слегка ухмыльнулся.

– Вперёд. Быстро... Вперёд... «vorwärts. Schnell... vorwärts», – скомандовал он.

Повеял лёгкий ветер. Автоматчики тут же ткнули огнестрельными орудиями в спину Павла. Он сразу зашагал вперёд. Немного споткнулся. Его повели солдаты, держа на прицеле. Офицер Нарло, быстро осмотревшись, двинулся следом. Он имел дурную ухмылку. Паша двигался тяжело. Голова ещё кружилась. Кровь постоянно заливала левый глаз. Он бегло осмотрелся. Перелесок был насыщен молодыми осинками. Под ногами зрели большие кочки и довольно высокая трава. Некоторые кусты ещё даже зеленели. Паша заметил на полянке бронемашину и мотоцикл с коляской. Там мелькали томно – зеленоватые фигуры. Мысли томились. *«Куда они меня ведут? А не всё равно. Если бежать... То сейчас... Но... Ничего не выйдет... Сразу пальнут в спину. Их слишком много... Ещё там на поляне... Они меня туда ведут... А куда дальше? Там, кажется, офицер в бронемашине сидит... Вот же упырь. Может, сейчас бежать... Но куда? Застрелят глупо... И сам выстрелить не успею... Вот же засада... Надо идти... Но не хочется... Они меня окружили со всех сторон...»*, – подумал он. Паша выдохнул. Он тяжело шагал по небольшим кочкам перелеска. Он бегло осмотрелся.

– Смотреть перед собой... Быстрее иди..., – заявил автоматчик Сайкс.

Веял прохладный ветер. Солдаты подпихнули огнестрельными орудиями пленника в спину. Тот зашагал чуть быстрее.

– Быстрее иди... Быстрее... Вперёд..., – заявил автоматчик Крис.

Небо сковывалось томными облаками. Ветер слегка поддувал. Вдали всё темнело и темнело. Тянулись ввысь столбы мрачного дыма. И крутился белый пепел. Там гроыхало. Меж кустов из травы показался красноармеец Гоша Степанов. Лицо круглое, чумазое, – глаза тёмные шальные, нос, как пятак. Рот широкий, губы тонкие бледно – алого цвета, скулы чуть вытянутые. Сейчас только глаза видно. На голове грязная пилотка. Вся одежда в сырости. Он крепко сжал руками карабин СВТ-40. Левый рукав телогрейки весь в крови. За стволом широкого дерева восседал боец Андрей Краевский. Лицо боевое, – глаза глубокие томные, нос прямой, губы широкие цвета багряной рябины. На нём мокрая, расстёгнутая шинель. В руках карабин 7,62-мм винтовка образца 1891 года иначе трёхлинейка «Мосинка». Он глубоко вздохнул. В глазах виднелась усталость. Чуть правее за кустом восседали бойцы Егор

Пташкин и Николай Кукушкин. Они чутко присмотрелись, взирая на автоматчиков. Егор – молодой парень из глухой деревни. Ему недавно исполнилось девятнадцать лет. Лицо белое, – на щеках многочисленные веснушки, глаза светло – синие, нос заметно вздёрнутый, губы полные алые больше женские. В чертах просматривалась смазливость. Но в бою он уже показал свою смелость и находчивость. Николай шальной деревенский мужик. Лицо медное, – уши торчком, глаза круглые цвета золота, нос, как большая картофелина, рот широкий, губы битые полные. Он любитель выпить. И когда напивался, всегда зверел и махал руками. Многим перепало от его жёстких кулаков. Но часто он бил за дело. Одного мужика тёску он избил до полусмерти за обидные слова. Его один раз судили. Его в шальном бою слегка ранило несколько раз. На левом плече кровь. Телогрейка уже без пуговиц и распахнута. В руках он держал винтовку «Мосинку» со штыком. А за пазухой виднелось его любимое оружие – обычный топор. Им он уже пару раз воспользовался, чтобы уцелеть. На ручке уже запеклась кровь его павших соперников.

Повеял лёгкий ветер. На втором плане за высокими деревьями в низине таился командир бригады старший лейтенант Микула Адамов. Ему тридцать девять лет. Фуражка на голове сидела прямо. Лицо приятное, выразительное, – глаза большие волевые томные, нос прямой, немного острый, щёки плотные с морковным румянцем, губы полные цвета пепла. У него на гражданке дочери Маша и Соня. Уже взрослые. На нём светло – бурая телогрейка. Уже замазалась в грязи со всех сторон. И кровь на левом плече. Пуля шальная чиркнула его в бою. Но затем он умело применил штык и заколол автоматчика Бармса. Упитанное тело того пронзил насквозь в области живота. Микула быстро осмотрелся. Он смерил глазом своих бойцов. Мысли томили. Рядом находились трое. Витя Морозов, Владимир Дуров и Борис Тяпкин. Все бывалые бойцы. Они, не сводя глаз, смотрели на своего «капитана». Витя громоздкий мужик. Он работал в колхозе на тяжёлом тракторе МТЗ. Лицо, как у дикого кабана. Глаза цвета прозрачной водки чистые, как стекло. Он часто выпивал. В руках автомат ПППШ. Владимир – молодой парень двадцати трёх лет. Лицо смуглое серьёзное. Он чем – то походил на дикого ястреба. И глаза светло – медные лютые, и нос, как острый клюв. Сам стройный, как модель. Борис Тяпкин самый тяжёлый из всех. Ему бы в сумо биться. Голова большая, лысая. Пилотка влажная на боку. Лицо дикое в большой щетине, как у шального медведя. Глаза с искрой цвета бурной реки. Шея стянута с двойным подбородком. В руках наган. За пазухой несколько кинжалов. Ему уже пятьдесят три года. В молодости он занимался спортом – тяжёлой атлетикой. А ещё увлекался метанием ножей. И теперь ему это пригодилось. Пять раз он уже пускал кинжалы. И ни разу не промахнулся. Эсэсовцы падали замертво, когда он крепко брался за нож. Его телогрейка плотно налегала на тело. Сапоги кирзовые слегка скрипели. В них он тоже держал пару кинжалов. Левее возле дикого куста смородины восседали бойцы Василий Рысев и Валерий Брагин. Они уже опытные и проверенные в военном деле. Василий коренастый парень двадцати пяти лет. Лицо округлое, светлое – глаза небольшие светло – синие, нос широкий квадратный, губы тонкие сухие цвета молока. На нём телогрейка вся в грязи и сырой глине. Он плотно прижимался к земле, когда шёл массивированный миномётный огонь по окопам. Сейчас он крепко прижимал к себе ручной пулемёт «Дегтярёва». На гражданке работал в провинциальном городке И. в кинотеатре оператором. И сам любил посмотреть фильмы на крайних рядах со своей пышной милашкой Тонькой. Там она учила паренька умело целоваться во французской манере. Валерий зрелый мужчина небольшого роста. Тело сухожильное. Лицо тонкое медное, – глаза глубокие томные, нос витой, небольшие усы, губы тонкие цвета вялой брусники. На нём мятая слегка рваная телогрейка. Шинель он потерял в бою, когда отступали. На голове пилотка со звёздочкой. В руках карабин «Мосинка». Штык на стволе. Валерий до войны торговал на базаре шубками.

Повеял лёгкий ветерок. Старший лейтенант Микула Адамов чуть выпрямил спину. Он быстро осмотрелся. Сейчас походил на дикого волка, который гнался за зайцем. Глаза ледяные засверкали.

– Так бойцы... Действовать надо быстро... Так. Лётчика надо отбить. Нельзя его уступать фрицам.

– Товарищ старший лейтенант. У них там две бронемашины и мотоцикл с коляской. Пулемёты МГ – 42. Три штуки. Офицер там и солдат десять будет... Все вооружены до зубов..., – заявил боец Владимир.

– А всего их около двадцати...

– Молодец разведка... Владимир... Так бойцы... Василий и Валерий... На вас бронетехника... А мы лётчика сейчас прямо с ходу отобьём... Сколько гранат есть? – спросил командир.

– Три штуки.

– Все отдать Валерию. Валера подойди поближе и забросай технику гранатами. Вася тебя прикроет пулемётом.

– Товарищ командир. Патронов не ма..., – заявил Вася.

– У меня тоже не было...

– Ну... Стрельнуть хватит...

– Стрельнуть – то хватит..., – взволновался Василий.

– И то ладно. Вперёд бойцы... Начинайте атаковать технику по команде. Мы стреляем первыми... И смотрите... В лётчика не попадите...

– Ясно... Есть...

Повеял лёгкий ветер. Бойцы Валерий и Василий живо полуприсядом пошли по полянке. Они живо скрылись из виду за кустами. Командир бригады Микула Адамов чутко глянул на своих подопечный бойцов и проверенных приятелей. Все сосредоточились.

– Так бойцы... Борис на тебе первый бросок. Метни ножи, как умеешь. Учить тебя не надо. Давай... И сразу схоронись... А мы тут же оприходуем их пушками. Патронов на этих хватит... Если что в рукопашной добьём гадов, – твёрдо сказал командир.

– Есть... Сейчас сделаем...

Боец Борис, убрав за пазуху наган, живо взял в свои мозолистые крупные руки два блестящих кинжала. И тихонько двинулся кустами по полянке. Все бойцы потянулись за ним, вооружившись карабинами. На них установили штыки. Капитан крепко сжал в руках автомат ППШ. В барабане имелось около десяти патронов.

Небо пребывало в сумрачных красках. Вдали зрели тёмные облака. Там стояли дымчатые столбы. И извивались, как шальные водовороты. И гроыхало, но тихо. Ветер веял прохладный. Пленный лётчик Паша Фролов тяжело шагал. Он слегка пошатнулся. Дыхание спёрло. Голова всё ещё кружилась. Томили боли в суставах. Там имелись большие синяки. Он выплюнул изо рта кровь. Сердце билось быстро. И вновь он ощутил огнестрельные орудия, уткнувшиеся в его широкую спину. *«Вот же скоты. Как они сюда так быстро нагрянули... Я просто отключился... А так бы мог уйти... Неужели наших нигде... Куда меня ведут? Вот паршивцы... Мне не убежать...»*, – подумал Паша. Он тяжело вздохнул. И бегло глянул по сторонам. Он чуть запнулся. И тут же проглотил слюнку. Она оказалась с кровью. Он тяжело вздохнул. В лазах немного зарябило.

– Смотреть прямо...

– Иди быстрее. Русский лётчик. Тебя ждёт суровый допрос... Если будешь молчать, мы свернём тебе шею, как курчонку... *«Gehen Sie schneller. Ein russischer Pilot. Sie warten auf ein hartes Verhör... Wenn Sie ruhig bleiben, drehen wir Ihren Hals um wie ein Huhn»*, – заявил офицер Нарло.

Повеял резкий, прохладный ветер. Слегка зашелестели пожелтевшие редкие листья на молодых осинках. Боец Борис, живо подкравшись, выскочил из высокой травы. Он тут же

метнул клинок в сторону немецкой колонны. Нож завертелся, как шальной. Лейтенант Нарло вздрогнул, ощутив жуткую пронизывающую боль. Острое лезвие ножа по рукоять вонзилось ему в шею. Живо потекла кровь. Он сам извернулся. Руки облюбовали ручку ножа. Лицо напряглось и бледнело. Глаза сильно округлились. Боль его парализовала. Он издал хриплые звуки. Ноги покосились. Он уже заваливался и падал, когда Борис метнул второй свой кортик. Лезвие блеснуло. Нож, засвистев по воздуху, вонзился прямо в широкий торс автоматчика Хикса. Тот широко открыл глаза, взирая на красноармейца. Боль томила. Его порочное лицо застыло в жуткой гримасе от боли. Рот широко открылся, и оголились ровные белые зубы. Кожа натянулась, как портянка на батарее.

– АААААА... АААА, – громко закричал Хикс.

Автоматчик, сильно пошатнувшись, схватился за автомат. И тут же открыл шальную стрельбу. Воздух сотрясли выстрелы. Но сильная рана мешала ему стрелять точно. Но его подержал огнём молодой белобрысый автоматчик Юнис. Борис, приняв на себя несколько пуль, просто прыгнул в траву. Он быстро карабкался. Всё же шальная пуля в левом плече не давала покоя. Рана быстро затекла кровью.

Веял прохладный ветер. Воздух сотрясли шальные выстрелы. Командир Микула Адамов, подняв автомат, тут же выжал весь боезаряд. Помогли и бойцы из бригады. Все открыли огонь из своих оружий. Пули просто изрешетили шагавшего позади колонны с пленным автоматчика Дортса. Громоздкий солдат затрясся, как прокажённый. Его торс превратился в решето. Некоторые пули пронзили развитое тело насквозь. Одна угодила в челюсть. Дортс завалился на спину, как столб, который сильно подпилили. Микула, бросив автомат на землю, схватился за свой табельный пистолет ТТ. И тут же выстрелил пару раз. Сам пригнулся. У него над головой просвистели пули. Они покосили ветки. Стрелял габаритный автоматчик Швабс. Его лицо имело медный загар. Белели крепкие зубы. Глаза как у пираньи. В них жила голодная хищность. Он выдал несколько больших очередей из своего автомата МП – 40. Воздух сотрясли выстрелы. В ответ загудели карабины «Мосинки». Боец Витя Морозов стрелял, как Ворошиловский стрелок. Он всегда прицельно бил по мишеням в тире в своём маленьком городке К. И тут не промахнулся. Пуля, просвистев по воздуху со свистом, пробила голову насквозь автоматчику Швабсу. Он тут же упал взад себя. Но сначала отлетел на пару метров, точно его кувалдой огрели. И брызнула кровь. Она распалась на атомы, словно распылилась.

Повеял прохладный ветер. Воздух всё сотрясали выстрелы. Пленный Павел Фролов вздрогнул ни один раз. Он быстро осмотрелся. Глаза округлились. Пули свистели рядом. Он дико уставился на автоматчика Риха. Тот, отстреливаясь, жутко глянул на пленного. Так, как смотрит хищная кобра перед атакой. Он решил быстро расстрелять Пашу, как картонную мишень. И слегка развернулся, направляя автомат в сторону неприятеля. Но Паша не колебался. Он резко схватил автоматчика за его оружие. И руки пошли вверх. Соперники крепко сцепились, не желая друг другу уступать. Воздух сотрясла автоматная очередь. Пули полетели ввысь.

– АААААА... Русская сволочь... Я убью тебя..., – закричал Риха.

– ААААА... ААА... Хрен тебе... Узурпаторы хреновы... Мочи их... Суки..., – ответил Паша.

– ААААА... Русская свинья... Я тебя кончу сейчас...

Пилот Паша Фролов, держась одной рукой за ствол автомата, живо умудрился достать из сапога пистолет ТТ. И тут же прозвучали выстрелы. Автоматчик Риха слегка подпрыгнул. Всё его тело сотряслось. Его зеленоватый маскхалат залился кровью. Лицо побледнело. Пули одна за другой вонзались в развитую плоть недруга. И спина того отсырела от крови. Паша одурел. Он крепко сжал пистолет, вплотную наведя ствол на неприятеля. Тот крепко схватился руками за Пашу. И тут же завалился на землю замертво. Лётчик упал рядом. И он ещё раз выстрелил. Только потом осознал, что автоматчик уже неживой. Тот лежал неподвижно. Его

глаза омертвели. Сам Паша с виду ошалел. Глаза ледяные невероятно округлились. Там просматривалось и безумие, и боль, и ненависть, и страх, и смятение. *«Наши... Бойцы родные... Сейчас отобьют... Их ещё немного... Наши...»*, – радостно подумал он. Паша выдохнул, лёжа на влажной траве.

Из порослей живо выбежали бойцы – красноармейцы. Впереди держался командир Микула Адамов. Он выстрелил из табельного пистолета ТТ. Его поддержали все бойцы. Немцы попятились. Егор Пташкин вздрогнул. Пуля свистнула над самой головой. Пилотка упала на траву. И тут же ударило по торсу. Шальная очередь прокатилась. Пули пронзили тело Егорки. Он, встав на коленки, завалился на землю. И упал разом на траву. Замер, лёжа ничком. Николай Кукушкин, присев, прицельно выстрелил из карабина. Пуля пробила торс рядовому автоматчику Лойсу. Тот замертво упал на землю. Только руками по сторонам махнул. Николай Кукушкин открыл беглый огонь из винтовки по солдату Сайксу. Тот побежал. Но далеко не продвинулся. Он вздрогнул, ощутив боль в спине. И руки искривились. Словно он хотел достать пулю из-под лопатки. Сайкс упал на кочки. И замер, лёжа ничком. Автоматчик Крис набросился на рядового Владимира Морозова. Тому сильно досталось по челюсти. Боец пошатнувшись, завалился на землю. Сайкс выстрелил из карабина. Пуля в самом краю пробила живот Владимира. Он вздрогнул, ощутив жуткую боль. И даже заметно прогнулся. Губы сжались.

– ААААА... ААА, – закричал Владимир.

Но долго музыка не играла. Боец Витя Морозов просто снёс своего соперника. Он применил саперскую лопатку. И ударил наотмашь лезвием тому по лицу. Брызнула кровь.

– ААААА... ААА, – застонал Сайкс.

Витя не колебался. Он дико и широко замахал лопаткой, ударяя своего недруга по лицу. Тот лишился каски. Она откатилась в сторону. Кровь брызгала во все стороны. Витя всё бил и бил. Лопатка просто погрязла в голове неприятеля, который был уже мёртв. Его лицо сильно пострадало. Показались жилки. И кровь, пульсируя, слегка прыскала из глубокой раны. Витя выдохнул, понимая, что одолел соперника. Глаза округлилась. Сейчас он походил на дикого медведя, которого разбудили и заставили покинуть берлогу.

Андрей Краевский вступил в рукопашную с врагом. Но бой продолжался недолго. Коренастый крепыш ловко ударил прикладом по голове автоматчика Тониса. Тот пошатнулся, потеряв ориентиры. Ему это стоило жизни. Андрей мигом заколол недруга штыком, прямо и сильно ударив в торс. Тонис грузно завалился на траву. Командир прижал к дереву крепкого и резкого автоматчика Ханси. Они жутко сцепились. Все жилы напряглись у того и другого. Немец ударил кулаком неприятеля по лицу. Но тот только ещё больше разозлился. И второй удар прошёл уже мимо. Микула разошёлся не на шутку. Он лихо замахал бьющей рукой. И стальной кулак плавно, но сильно погружался в лицо неприятеля. В стороны полетели брызги крови. Ханси, казалось, лишился чувств. Но всё же стоял на ногах. А командир всё бил и бил по лицу неприятеля. Его кулак сильно окропился кровью. Лицо недруга заметно побагровело от жутких сечек и рваных ран. Глаза заляпались от густой жидкости.

– Командир, – закричали бойцы.

Повеял резкий, холодный ветер. Микула живо отошёл в сторону. Бойцы Гоша Степанов и Николай Кукушкин, разбежавшись, резко махнули винтовками со штыками. Автоматчик Ханси вздрогнул. Его тело пронзили насквозь острые, стальные орудия. Жилы парализовались резкой болью. Из рта хлынула кровь.

– АААААА... ААА, – тихо закричал он.

Бойцы сильно надавили на винтовки. Они чуть приподняли своего неприятеля. Тот, сильно вздрогнув, дёрнул руками. Затем они повисли. Автоматчик склонил голову. Из рта тонкой струйкой текла кровь.

Веял прохладный ветер. Чуть шелестела листва на тоненьких осинках. Командир Микула Адамов бегло осмотрелся. На поляне кругом лежали трупы автоматчиков. Кто – то замер ничком.

ком, кто – то на боку находился, а кто – то смотрел на небо своими неживыми глазами. Микула выдохнул. Он, сняв фуражку, быстро вытер пот на лице. Он живо прошёлся по поляне. Затем чутко глянул на неживого лейтенанта СС Нарло. Тот держался руками за нож, лезвие которого пропадало в горле. Текла кровь тонкими струйками. Лицо неприятеля застыло в жуткой гримасе. Рот заметно покривился, и заметно оголялись его белые зубы. Глаза смотрели в одну точку.

– Вот же допрыгался... Ещё и автомат наш ПППШ... Теперь он тебе не нужен... Видать со званием... Вот же... Молодец Борис. Попал точно. Уложил... А где он сам? – произнёс командир, взяв в руки автомат.

Небо пестрило томными облаками. Вдали тянулись тёмные непролазные мутные глыбы, которые состояли из муторного копчёного дыма. Воздух сотрясли громкие выстрелы и взрывы. И где – то в стороне появился громкий яростный бурный говорок. Бойцы Валерий и Василий сказали своё слово. Василий живо занял огневую позицию. Он удобно расположил для себя ручной пулемёт «Дегтярёва». И взял на мушку мелькающие томно – зелёные фигуры, которые находились возле бронемашин. Глаза округлились. *«Давай Валера... Задай им жару... Да по горячее... Жаль патронов нету... Так бы я им врезал...»*, – заявил он. Валера взял в руки две ручные гранаты. Он, пригнувшись, живо побежал по полянке. Голову втянул в плечи. Глаза округлились. Сердце билось быстро. Он затаил дыхание. Немцы его не замечали. Но, услышав дикую стрельбу, всполошились. Но поздно. Валера двигался быстро. И резко метнул гранату. За ней вторую бросил в сторону мотоциклиста. Первый снаряд точно угодил в кабину бронемашин. Офицер СС Штили бегло глянул на красноармейца. А затем уставился на гранату, которая подкатилась прямо к нему.

– Граната. Чёрт возьми... Нет... Нет... *«Granate. Verdammt... Nein... Nein...»*, – заявил немецкий офицер.

Повеял резкий ветерок. Мигом разорвалась граната. А за ней рванула и вторая «дуля». Воздух гулко сотрясся. Бронемашину сильно потрянуло. Из кабины повалил мрачный дым. Он живо крутился. Офицер СС Штили просто вылетел из стального салона. И ещё пролетел по воздуху пару метров. Его лицо сильно закоптелось. Словно превратилось в уголь. И потянулся дым. Его тело просто разорвало. Напрочь отлетела левая рука. Ещё всю плоть забило жуткими осколками. Он упал, как бревно на землю. Водитель Фрокс плотно прижался к рулю. Вся его спина окропилась кровью. Шинель порвалась в десяти местах. Его изрешетило осколками. Фрокс медленно завалился на бок замертво. Он пустил кровь изо рта. Глаза смотрели в одну точку. Дым тянулся вверх. Ещё выше летал белый пепел. Тихо плавилась кожа на стальных сидениях.

Мотоцикл с коляской погряз в томно – чёрном дыму. Водитель Тони завалился на руль. Он был мёртв. Из рта тонкой струйкой потекла кровь. Пулемётчик Бромс вывалился из коляски. Его сильно оглушило. Из ушей пошла кровь. Он чуть пополз. Но всё же замер, схватившись руками за шею. Там имелось большое отверстие. И лилась кровь густой волной. Он просто захлебнулся своей багряной жидкостью. И скончался на месте, лёжа на спине.

– Русские солдаты... Русские... *«Russische Soldaten... Russisch»*, – закричал водитель второй бронемашин Жан.

Повеял лёгкий ветер. Воздух сотрясли гулкие выстрелы. Жан крепко схватился за пулемёт. По полянке покатались огненные трассы. Пули засвистели низко над землёй. Вася открыл огонь из пулемёта «Дегтярёва». Но пули тут же закончились. Ответный огонь был яростен, не прекращаем и суров. Валера решил бросить третью гранату. Но тут же пожалел о своей попытке. Пули шальные пробили его плечи.

– ААААА... ААА..., – закричал он.

Боец Вася ужаснулся. Он крепко прижался к земле, боясь поднять голову. По полянке прокатились шальные огненные трассы. И вновь засвистело неподалёку. *«Вот сволочь... Голову»*

не даст поднять... Бьёт, как из пушки... У меня патрон нет... Всё шабаш...», – подумал Вася. Он зажался. Возле него пронеслась огненная трасса. И следующая коснулась его. Он вздрогнул. Рука быстро онемела и затекла кровью. Боль томила.

– ААААА... ААА, – закричал Вася.

Повеял резкий ветерок. Валера просто замер, держась за гранату. Боец Вася перевернулся несколько раз, чтобы уйти с линии огня. Пулемёт не замолкал. Рядом прокатились огненные трассы. Пули шальные засвистели над головой. Вася зажался и прижался к земле, как мог. Жуткий пулевой огонь поднял кочки. Руки вошли в мягкую почву. Жан стал стрелять прицельно, крепко прижавшись к орудию. Вася всё же вздрогнул. По его спине прокатилась огненная трасса. Телогрейка дала пух. И кровь появилась пятнами. Боец изогнулся. Он тут же чуть поднял голову. И показал неприятелю жуткую гримасу боли. Глаза округлились.

– ААААА... ААА, – истошно крикнул он.

Вася померк, лёжа ничком. Он был мёртв. Из рта потекла кровь. Рядом покоился его пулемёт. Пулемётчик Жан вновь открыл огонь. Гильзы сыпались пачками. Воздух сотрясали частые, гулкие выстрелы. Командир Микула Адамов, держа в руке пистолет ТТ, прицелился. Он нажал на курок. Пулемётчик Жан тут же отлетел на бок, приняв пулю в голову. Она угодила точно в висок. Он, заливаясь кровью, грузно завалился на стальной пол бронемашины. И его пулемёт сразу затих. Жан был мёртв. Он уставился в одну точку. Командир бригады красноармейцев, выдохнул.

– Готов... Бойцы... Живо осмотрите тут всё... Берите оружие и воду. И быстрее... Надо уходить. Тут шумно очень было... Лётчик держись ближе..., – заявил командир.

Небо томилось в холодных красках. Вдали зрели томные облака. Повеял лёгкий ветерок. Лётчик Паша Фролов бегло осмотрелся. Он глянул на тело офицера СС Штили. Тот лежал на траве. Его растерзанное тело ужасало. Плащ был порван и горел и тлел. Кругом лежали тела солдат. Бронемашина сильно дымилась. За рулём мотоцикла восседал неживой автоматчик. Чуть в стороне лежал ещё один солдат. Его вид ужасал. Паша выдохнул. Он вновь бегло осмотрелся. На окровавленном лице появился влажный блеск. Глаза ледяные округлились. Мысли путались. *«Отбились что ли... Сколько их тут было... Не сосчитать... Да и зачем? Куда теперь? Теперь хоть не в плен... Но куда? Если мы уже в тылу врага... Они сказали, что оборона прорвана. Кругом немцы... Значит, надо выходить из кольца... Но куда идти... Жуть. Кажется, у нас есть тяжело раненый боец... Его нужно нести... А кто – то там лежит в поле. Уже не двигается... Его убили... Его, кажется убили... Как и того парня в пролеске. Командир шальной у них... Видать уже много видел. Я сам стрелял. В этого солдата. Он убит. Я всю обойму выстрелил. Просто стрелял и стрелял... Я не мог не стрелять... А тот парень. Он сказал, его зовут Егор Пташкин... Его убили в перелеске... И ещё один боец. Капитан совсем ничего не чувствует... А может, это просто я такой чувствительный... Я стрелял, чтобы спасти себя... А если бы не стрелял. Конец... Счёт открыт... И отступить нельзя... Война... Они собирают оружие... Значит, сейчас пойдём... Раненый весь в крови... Что тут творилось?»*, – подумал он. Паша выдохнул. Он был слегка смущён и раздражён. Он чуть оправил на себе окровавленный кожаный полушубок. Его ворот тоже приметно замазался багряной влагой.

Повеял лёгкий ветер. Кругом виднелись только небольшие поля да перелески. Вдали витал то ли смог, то ли туман. Там в небесах темнели томные облака. Казалось, они совершенно не двигались. Паша тяжело вздохнул. Он быстро обтёр рукой своё влажноватое лицо. В глазах рябило. Мысли томные путались. Он немного прошёлся по полю. Но никак не мог собраться. Всё кружилось перед глазами. Он остановился, взирая на раненого бойца Валеру. У того вся телогрейка пропиталась кровью. Он еле дышал. Виднелись пулевые отверстия чуть ниже ключиц. Его немного приподнял Николай Кукушкин.

– Держись Валера... Мы тебе поможем... Держись..., – сказал он.

– ААААА... АААА... Я хочу пить... АААА... ААА, – застонал Валера.

– Аптечка... Мужики. Нам аптечка нужна... Бинты... Валере пить охота... Есть вода..., – произнёс Николай.

– ААААА... АААА...

Повеял лёгкий ветерок. Николай недоумевал, глядя на приятеля. Глаза шальные округлились. Валера, дёрнувшись, склонил голову на бок. Он перестал дышать. Из рта потекла кровь. Его сердце остановилось. Николай прижал к себе неживого приятеля. Его глаза налились багряным цветом. Он тяжело вздохнул.

– Валера... Я отомщу им за тебя... Валера..., – громко произнёс Николай.

Пилот Паша Фролов, взирая на бойцов, выдохнул. Мысли глубокие и тяжёлые его томили. Ныло сильно ушибленное плечо. Он замер, глядя на окровавленного Валерия. Тот скончался от жутких ран на руках боевого приятеля. Паша вновь выдохнул. Он чуть отошёл в сторону, чтобы осмотреться. Его одолела невероятная тягость, которая имелаась на душе. Сердце немного заныло. Он заглотил слюнку. В глазах ещё немного рябило. Паша вновь нехотя, но бегло глянул на растерзанное тело офицера СС Штили. Его кожаная куртка дымилась. Лицо имело вид томного каменного угля. Веяло жуткой гарью, которую несло со стороны горящей бронемашины. Паша чуть посторонился. Его одолевали томные мысли. *«Ещё один боец убит... Значит, всего трое... Видимо, они взорвали бронемашину и мотоцикл... А один начал стрелять на убой... Жуть... Там на высоте свои бои. А тут свои бои... Смотреть на это жутко... Но никуда не денешься. Они стреляют, чтобы выжить... И я стрелял... Патронов теперь не осталось. Пистолет пустой...»*, – подумал он. Паша сделал нерешительный шаг. И немного покачнулся. Он быстро осмотрелся. Дали заворачивали. Командир Микула Адамов, держа в руках автомат ППШ, подошёл к неживому офицеру СС Штили. Он живо осмотрел его тело. И тут же склонившись, достал из кобуры пистолет люггер. Он тут же засунул оружие себе за ремень. Затем двинулся дальше. И подобрал с земли немецкий карабин Mauser 98k. Он проверил боезаряд.

– Лётчик... Вот тебе пушка... Стрелять умеешь... Это та же пушка, что и наша Мосинка. Принцип тот же... Она заряжена. Вот и патроны..., – сказал Микула.

– Да... Стрелял пару раз..., – ответил Паша.

Повеял лёгкий ветерок. Паша принял винтовку в свои руки. А ещё взял ремень, на котором имелся кожаный патронник. Он слегка мотнул головой. Старший лейтенант смотрел прямо. Он смерил взглядом пилота.

– А ты не промах. В бою не подкачал. Как тебя угораздило в плен попасть... Вернее... Как тебя подбили? – спросил командир.

– Подбили... Нет. Я сам...

– Что сам?

– Да... На таран пошёл... Ударил бомбардировщика носом в заднее хвостовое крыло. Сбил наглеца... И сам пошёл падать... Штопор потом... Еле посадил в этом перелеске... Но меня вырубило... Ударился сильно. А потом немцы... Видать, сразу за мной... Видели, куда падал..., – ответил Паша.

– Да... Теперь тут везде немцы... Надо уходить. Пробиваться к своим. Город Брянск в кольце. Они прорвали всю нашу оборону... Танками... Не сдюжили... Но врезали им хорошо... По первое число. И ещё врежем..., – заявил командир.

Повеял лёгкий ветерок. Паша бегло осмотрелся. Мысли путались. Командир стоял рядом. Он бегло осмотрел трофейный пистолет. Но тут же убрал за ремень. Бойцы живо метались из стороны в сторону. Они собирали оружие и патроны. Гоша Степанов быстро выбросил всё из целой бронемашины. Он бегло глянул на рядового солдата Жана. Тот неживой лежал на полу.

– Нашёл воду и шнапс..., – крикнул Гоша.

– У меня аптечка есть...

– Бойцы быстро перевяжите раны Владимиру и Борису. Берите один пулемёт МГ – 42 и патроны все... Нам пригодиться... И сразу выходим, – сказал командир.

– Сейчас...

Повеял лёгкий ветерок. Старший лейтенант Микула Адамов вновь бегло глянул на лицо лётчика. Тот стоял неподвижно, держа в руках винтовку. Ремень с патронником закинул на плечо. Он тяжело вздохнул.

– У нас потери... Надо было троих послать... Кто знал? Хрень... Один остался и бил по нашим из пулемёта. Его граната не взяла. Да и в стороне одна бронемашина была... Видимо, не успел бросить третью гранату. Ладно. Надо выходить из окружения. Ну, лётчик... Теперь с нами... И тут можно, воевать... Только, извини, самолёт тебе дать не могу..., – сказал командир.

– Да...

– А аэродром далеко? – спросил командир Микула.

– Не очень... Не так далеко... Километров пять. Если на город смотреть... То там будет... Скорее всего...

– Ясно... А самолётов наших много...

Повеял лёгкий ветерок. Паша просто помотал головой. Он имел задумчивый, но решительный вид. Бойцы живо подошли к командиру. Тот бегло заглянул каждому в лицо. Сам имел дикий вид, как у вепря в лунной ночи, за которым гнался охотник. Но тот был уже отыгран.

– Ты молодец... Всё правильно сделал... Сейчас пойдём... Надо выбираться отсюда... Быть тут опасно... У них танки. Много танков..., – сказал командир.

– Товарищ командир. А может, на броне поедём. Зададим фрицам из их же пушки... АААА, – сказал рядовой Витя Морозов.

– Отставить эти шуточки. На нём далеко не уедем... Пальнут раз... Пойдём пешком. Всем собраться... Выдвигаемся в ту сторону. Где наш аэродром... Хотя... Посмотрим по обстоятельствам, куда идти... Всё равно придётся прорываться... Что – то мне подсказывает, что мы уже в глубоком тылу... Хрень..., – произнёс командир Микула.

– Есть товарищ командир, – ответил Витя.

– Как раненные? Боря ты как? Владимир идти можешь? – спросил Микула.

Повеял лёгкий ветер. Рядовой боец Владимир держась рукой за живот, слегка нахмурился. Пуля прошла насквозь. Теперь белый бинт окропился кровью. Бойцы быстро перевязали рану. Но кровь слегка сочилась. Владимир постоянно показывал гримасы боли.

– Да... АААА... ААА... Я смогу командир. Я смогу..., – сказал он.

– Борис... А ты как?

– Жить буду..., – быстро сказал Борис, взяв в руки автомат МП – 40.

– Ладно. Бойцы. Идём друг за другом. Пока удаляемся туда... Прямо от города... А там видно будет... Не спросил, как зовут? – сказал командир, взирая на лётчика.

– АААА... Павел. Пилот Павел Фролов. 314 эскадрилья, – ответил Паша.

– Меня старший лейтенант Микула Адамов зовут... Мы прорывались. Попали под жёсткий огонь. Наши орудия замаяли. Потом была рукопашная. Они отступили. Мы пошли на прорыв. Вот... Все кто смог вырваться под моим командованием здесь... Знаю, что кто – то ещё ушёл. Но мы не знаем куда? Прорывались многие и небольшими группами. Теперь я и за вас отвечаю в какой – то степени..., – сказал опытный командир.

– Да..., – тихо сказал Паша.

Повеял лёгкий ветер. Командир бегло осмотрел своих бойцов. Все встали рядом. Гоша Степанов вооружился автоматом МП – 40. За спиной карабин СВТ – 40. И на себя навесил кучу запасных обойм в специальном тряпичном обмундировании. Боец Андрей Краевский держал в руках тяжёлый пулемёт МГ – 42. Николай Кукушкин накиннул на себя патронные ленты. Весь

ими обмотался. И стал походить на мумию. Все бойцы бегло переглянулись. Паша тоже отвечал взаимностью. Он крепко сжал в руках карабин. Витя Морозов протянул ему автомат МП – 40 «Шмайсер». Сам уже вооружился до зубов.

– Держи. На всякий случай..., – сказал Витя.

– Да... Спасибо, – ответил Паша.

– Командир. Тут шнапс во фляжке. Выпьем по немного... За бойцов..., – заявил Николай Кукушкин.

– Да... Выпьем... И сразу выходим...

– За бойцов...

– За павших товарищей...

Небо томилось в холодных красках. Веял прохладный ветер. Бойцы живо двинулись колонной друг за другом. Командир, бегло оглядываясь, замыкал цепь. Лётчик Паша Фролов двигался степенно. Быстрее не мог. Боль напоминала о себе. Нogu ушиб сильно. И рана дала о себе знать при ходьбе. Но всё же он не отставал. И не показывал своих слабостей. На лице появился влажный, тонкий блеск. Во рту слегка пересохло. Мысли томили. *«Идём уже около двадцати минут... Кругом пустота и глушь... Одни поля и перелески. Вдали показалась какая – то деревушка на горе... Сколько таких на Руси. АААА. ААА... Надо идти... Плечо ноет и нога... Всё – таки я сильно ударил ногу. Только теперь понимаю как... АААА... ААА... Шесть бойцов. Командир Микула Адамов. И я... Нас восемь... Ноги уже устали от непривычки... АААА. ААА... Куда теперь нас заведёт эта дорожка. Никто не знает... Но надо идти... Был жуткий бой... Я выстрелил всю обойму в того автоматчика. Он упал грузно. Он хотел уже выстрелить меня из автомата. Но я его опередил... Вернее вовремя схватился за ствол. А так бы всё... Пиши пропало... Вовремя бойцы подоспели... Но там остались их товарищи... Трёх бойцов потерял командир Адамов... Он всё такой же... Спокойный и хладнокровный. Глаза у него шальные... Есть же такие командиры. Кажется, что ничего он не боится... Только чёрт ничего не боится. Да и тот не прост. Командир просто отважный мужик... Мне не по себе... Там наверху другой вид... В самолёте не так... Но всё одно... Мы сюда их не звали...»*, – подумал он. Паша тяжело вздохнул. За спиной слегка виляло оружие на ремне.

Глава четвёртая

Небо слегка потемнело. Там тянулись маленькие, томно – снежные облака. День сумрачный уже перевалил за экватор. Веял прохладный ветер. Кое – где витала небольшая туманность. А может, просто надоедливый смог. Или и то и другое. Но видимость от этого заметно сокращалась. Вдали раскидывались широкие поля, да небольшие перелески. Местная окрестность имела заметную низменность. Кругом маленькие голые кустики, да трава местами в полметра. Бойцы, мешая глину и сырость пудовыми сапогами, шли друг за другом. Уже нарастала усталость. Замыкал колонну командир Микула. Он держал руки на автомате ППШ. Барабан того был полностью забит патронами. Микула бегло оглядывался. И несколько был взволнован. Но не подавал виду. Он был военным. После армии служил на границе. Затем его перевели в западный гарнизон, где он служил около десяти лет. Он владел всеми видами оружия. И как – то в одиночку раскидал на границе троих контрабандистов. Он вновь бегло осмотрел территорию. Он обладал невероятной чуйкой. Он живо смахнул с лица накопившуюся влагу. Пилот Паша Фролов шагал в середине колонны. Он слегка прихрамывал. На плече висел автомат и карабин. Ремень с патронташем он пристегнул к поясу. Мысли путались. *«Мы идём уже около часа... А может, полтора часа. Сапоги уже отсырели... Мокро и грязно... Впереди смог или туман... Но всё видно... Поля и перелески... Вдали показалась деревушка на горе... А дальше всё тёмный лес да лес... Непонятно куда мы идём... Но, наверное, правильно. Командир умелый... Всё же мы в окружении. И надо быть на чеку... А может, мы уже миновали кольцо... Кто знает? Может быть... Надо идти... Нога ноет. Всё же я сильно ударил ногу... И плечо болит... Но я терпеть могу. Оружие давит... Значит, сильно ударился... АААА... ААА...»*, – подумал он. Паша бегло осмотрелся. К нему тут же подошёл боец Николай Кукушкин. Он держал в руках сигарку. Дымок тянулся следом за ним тонкой змейкой. Николай, взирая на лицо лётчика, затянулся табачным дымом. Они шагали синхронно по негустой, невысокой, сухой траве.

– Лётчик... Паша... Верно..., – сказал Николай.

– Да... Паша...

– Николай...

Повеял лёгкий ветер. Боец Николай пожал свою тяжёлую руку приятелю. Его глаза сияли, как у кота после дерзкой охоты. Но отдавало ледком.

– Паша... А скажи... На самолёте легко летать научиться? АААА? – спросил Николай.

– Да. Легко. Руки и ясная голова... Всё, что нужно... И полетел...

– Да... Вот знаешь, Егор Пташкин тоже мечтал стать лётчиком... Но он там в перелеске остался... Вот же выродки... Я их всех завалю... Я их за Егорку всех перебью..., – дико сказал Николай.

Паша округлил глаза, отведя их в сторону. Он слегка смутился. Николай шагал рядом с ним. Он крепко затянулся табачным дымом. И вновь посмотрел на лётчика. Паша тяжело вздохнул. Он утёр со лба пот. В глазах чуть рябило. Бойцы шагали вровень. Под ногами чавкала сырость.

– Паша... Много самолётов сбил? – спросил Николай.

– Ну... Думаю с десятка будет... Может, чуть побольше..., – ответил Паша.

– Вот это по нашему... Молодец Паша... Мочи их до нового пришествия. А мы уже тебе пособим..., – заявил Николай.

– Да... Я постараюсь...

– Вот бы сейчас тебе самолёт... Ты бы им врезал...

– Да... Я бы врезал...

– Ничего... Будет у тебя самолёт... Я вот тоже в детстве мечтал стать лётчиком... Потом хоккеистом... Но не сложилось... Зато вот познакомился с настоящим лётчиком... Уже неплохо... Пожал руку... Хаахааа... Пилот Паша..., – слегка улыбнулся Николай.

Небо томилось в томных красках. Повеял лёгкий ветерок. Бойцы дружно шагали друг за другом. Командир бегло оглянулся. Глаза прищурились. Он, сняв с головы фуражку, тяжело вздохнул. Впереди идущий Гоша Степанов приостановился. Он, взмахнув рукой, чутко прислушался. Глаза округлились. Они походили на око хищного пернатого. И он, казалось, уже выпустил свои острые когти.

– Тихо бойцы... Не двигайтесь... Слышу шум... Кажется, техника шумит. Тихо всем... Слушайте..., – заявил Гоша.

Повеял лёгкий ветер. Бойцы остановились. Владимир тяжело вздохнул. Он держался рукой за рану на животе. Бинты сильно пропитались кровью. Командир Микула Адамов живо зашагал вперёд отряда. Он бегло осмотрелся. Он тоже услышал гулкий шум бронетехники.

– Немцы... Где – то рядом совсем..., – подумал он.

Бойцы живо осмотрелись. Затем бегло переглянулись. Кругом витала пустыньность. Но шум был слышен и ощутим. Командир живо скинул с плеч автомат ППШ. Его вид походил на грозного вепря, который вышел прогуляться из леса. Ледяные глаза смотрели прямо. Он соображал быстро. И тут же принял решение.

– Бойцы... Быстро марш бросок... До того перелеска... Там укроемся. Живо..., – резко скомандовал он.

Повеял резкий ветер. Бойцы живо побежали по полянке. Владимир чуть отставал. Тяжесть раны не давала покоя. Ноги заплетались. Лицо взмокло. И уже появился жар. Но всё же он двигался. Паша, взирая на бойцов, бежал со всех ног. Он тяжело вздохнул. Глаза округлились. Обуял тело лёгкий жар. Даже волосы слегка взмокли под маской лётчика. Он бегло осмотрелся. Кругом витал лёгкий туман или смог. Паша смотрел на широкую спину Бориса. Он шёл впереди. Уже заскочил в перелесок. И руками схватился за гибкую иву. Паша нырнул следом. Он тяжело выдохнул. За спиной чуть брякало огнестрельное оружие. Ныло плечо. Впереди Гоша Степанов навалился на ствол дерева. Он бегло осмотрелся. И дышал быстро. Он держал в руках трофейный автомат. Андрей Краевский, стоя позади, опустил на приклад тяжёлый пулемёт МГ – 42. На багряном лице виднелся влажный блеск. Глаза округлились. Он выдохнул. Сейчас он походил на отважного капитана судна, которое попало в открытом море в полный шторм. Командир Микула Адамов, пройдясь по полянке перелеска, тяжело вдохнул. Он взялся за бинокль. И тут же присел. Перелесок был наполнен молодыми зарослями. Ивы, осинки, берёзы, много мха и высокой травы, – имелось на островке. Росли даже камыши. И имелось немного тростника. По большим кочкам запрыгала тёмная по цвету шкурки лягушка.

Повеял лёгкий ветерок. Капитан, держась за бинокль, устремил свой взор вдаль. Он заметно напряг свои развитые жилы.

– Бойцы... Всем затаиться... Вижу танки и бронемашины... Они двигаются... Дорога что ли там... Похоже что дорога... Метров триста... А то и меньше..., – сказал командир.

– Немцы... Значит, мы в тылу у них... И не вышли мы никуда..., – заявил Николай.

– Да... Скорее всего..., – добавил Борис.

– Колонна встала... Вот же... Что они удумали?... Что – то там намечается? Никому не высовываться..., – резко произнёс командир.

– Неужели нас заметили?..., – подумал Гоша.

Небо покрывалось небольшими белыми облаками. Они тихонько ползли. Повеял лёгкий ветер. И слегка зашелестела пожелтевшая листва на молодых деревьях. Бойцы замерли. Все смотрели на командира. А тот держался за бинокль.

– Офицер сюда смотрит из бинокля... Вот сука... Неужели нас заметили... Никому не высовываться... Тихо всем... Стоят сволочи..., – заявил командир.

Повеял лёгкий ветерок. Эхом издалека доносился гулкий шум моторов. Бойцы сосредоточенно смотрели на командира. Все залегли на траву. Пилот Паша недоумевал. Он присел, навалившись спиной на небольшой ствол берёзки. Дышал ровно. Но сердце билось быстро. Он чувствовал его сердцебиение. На лице запеклась кровь, и появился глянец. Ещё копилась влага. Мысли всякие лезли в голову. *«Немцы... Бронетехника на дороге. Отсюда не видно... Дорога там или что – то другое. Только бы пронесло. Но почему – то они встали... Как бы не началось тут чего? С их танками здесь долго не повоюешь... Моя нога. Всё – таки я сильно ударился... Пройдя этот путь теперь понимаю... Эти пушки и те тяжёлые, чтобы их таскать... Но ничего не поделаешь... Враг близко. Радует одно... Стрелять, я не разучился... У меня немецкий карабин и автомат... Не разу не стрелял. Но, кажись, придётся... Что там наш капитан замолк? Слышно, как моторы режут... Значит, рядом стоят... И не двигаются... Невесёлая история получается... Наверное, уже нашли мой самолёт... Хотя, кто знает... Может, и не нашли... Но тот бомбардировщик точно упал. Я сбил его. На таран взял... Что на меня нашло? Дикость какая – то нашла. Я и сам чуть не разбился. А всё равно на таран пошёл. Одним гадом меньше. Видимо, бомбить летели. Слышно, как шумит... Что теперь тут делать? Куда двигаться?... Чуть было в плен не попал. Поверить не могу, что уже сам стрелял. И тот автоматчик перед глазами всё время... А теперь мы здесь... А дальше неизвестно что? Пока тихо... Командир смотрит из бинокля куда – то вдаль. Бойцы замерли... Я сижу... Пить хочется. У кого – то была вода... Надо попить...»*, – подумал он. Паша бегло осмотрелся. Он смахнул с лица влагу. И тут же тяжело вздохнул.

Повеял лёгкий ветерок. Боец Андрей Краевский живо двинулся в правую сторону от себя. Он шёл пригнувшись. За спиной автомат. Он, прижавшись к небольшой берёзке, присмотрелся. Глаза округлились. Из призрачного тумана появилась томно – зелёная бронешина. На башне белый крест и трёхзначные цифры. Она тихонько двигалась по полю. За ней ещё одна ползла, как черепаха. Цвет, как у чёрной пантеры. И направление держала прямо в сторону пролеска, где засели бойцы. Чуть левее появилась ещё одна бронемашина защитных тонов. На броне нарисован квадратный крест. Она взревела мотором громче остальных. Внутри мелькали головы автоматчиков. Они один за другим стали выпрыгивать из кабины. И двигались наглой походкой прямо по полю. Вперёд вышел офицер Кирк. Фигура его плотная, но стройная. Лицо медное, как у шального ягуара.словно сбежал из клетки, где его пытали. На фейсе следы выжженной кожи. Глаза неопределённые, как у пресноводного существа в виде хищной пираньи. Он слегка махнул рукой, указывая на перелесок. Сам держал в руках автомат МП – 40. На теле комбинезон защитного цвета с широким капюшоном. Сразу виден стиль.

Повеял лёгкий ветер. Андрей широко открыл глаза цвета тёмной ночи. Там отражалась реальность. Томно – зелёных фигур становилось всё больше. Андрей двинулся назад. Ноги заметно намокли. В сапогах спрело. Боец быстро миновал узкую тропку. Он прижался к командиру. Тот был занят наблюдением. И заметно напряг свои жилы. Его ледяные глаза смотрели в призму стёкол бинокля.

– Товарищ командир. Немцы с левого фланга. Три бронешины. Кажется, нас заметили... Или шли за нами... Были на хвосте..., – заявил Андрей.

– Что? Вот же... К бою бойцы... Нас вычислили..., – громко заявил командир.

– За нами шли что ли...

– Что за засада?

Повеял резкий ветер. Бойцы оживились. Все тут же взялись за оружие. Пилот Паша Фролов недоумевал. Глаза округлились. Он живо снял с плеча и автомат и карабин. И не знал, за что взяться. Но всё же решил опробовать карабин. Автомат ловко закинул за спину. Но нервишки слегка шалили. Мысли путались. *«Немцы... Опять немцы... Откуда?... Сколько их... Командир сказал к бою... Мама дорогая... Спаси нас всех... Сколько немцев... Где они?... Моторы где – то взрвали...»*, – взбалмошно подумал он. Командир Микула и Андрей посмотрели в сторону

немецкой бронетанковой колонны. Там находилась часть формирования 2-й танковой дивизии СС «Дас Рейх». Танк цвета томно – невыразительного PZ 4 живо развернулся. Мотор взревел. Он живо двинулся по полю в сторону пролеска. Пушка смотрела прямо. За ним покатился ещё один танк Pz Kpfw I. Только меньше по размерам.

– Мать вашу... Танки... Сюда пошли... Значит, они нас заметили... К бою бойцы... Будем прорываться... Через их не перейти... Там их слишком много... Значит, будем отступать в глубь перелеска..., – заявил командир.

– Жаль ПТР нет... Так бы врезали им, – добавил Борис.

– Врежем... Так. Бойцы... Андрей бери пулемёт... И дуй на свой фланг. Держи его... Не дай близко к нам подойти... Владимир. Борис. Николай... Подсобите ему... А мы тут их задержим, сколько сможем... Потом отступим... Будем пробиваться, где тоньше..., – заявил командир.

– Товарищ командир. Танки сюда полезут... Тут перелесок подавят, – ответил Борис.

– Надо уходить. Перешёлкают тут нас, как зябликов..., – заявил Николай.

– Отставить панику...

– Танки прут сюда..., – волнительно сказал Гоша.

– Не подавят. Отобьёмся... Будем с боем отступать... Все по местам. Занять оборону... К бою, – скомандовал командир.

Пилот Паша Фролов уставился на немецкие танки. Они всё продвигались и продвигались вперёд. Они то опускались, то приподнимались. Но их пушки смотрели в одном направлении. Паша заглотил слюнку. Он крепко в руке сжал карабин, точно гранату, которую хотел бросить под танк. Глаза шальные.

– Так. Бойцы... Паша. Витя. Гоша... Цельтесь по танкам. Стреляйте во все отверстия. Глядишь, попадёте... Гоша ты стрелок отменный... Попадёшь. Считаю орден твой...

– Не промажу, товарищ командир, – отважно заявил Гоша.

– Паша. Ты как. Всё нормально... У тебя карабин. Бей прицельно в смотровые окна танка... Граната одна... Приготовьтесь..., – сказал командир.

Паша, держа карабин, резко передёрнул затвор. Глаза шальные смотрели на танки. Там отражалась реальность. «PZ» стремительно продвигались по полю к перелеску. Моторы взревели. И заскрипели стальные гусеницы.

Повеял лёгкий ветер. Андрей Краевский, взяв пулемёт, живо двинулся в сторону тонких осинков и низких кустиков. За ним вприсядку последовали боевые приятели Владимир, Борис и Николай. Все залегли под небольшим бугром. Владимир, повалившись на траву, схватился рукой за рану. Он сильно свёл брови, ощущая пронзительную боль. Его бинты все пропитались кровью. Глаза прищурились. И уже рябило. Он подтянул к себе винтовку «Мосинку». Он посмотрел на мелькающие вдали фигурки. Они приближались. Но всё расплывалось в его очах. Эти силуэты становились непомерно широкими. Бойца обуял жар.

– АААААА... ААА, – простонал он.

Андрей живо расставил пулемёт МГ – 42, как удобнее. Пулемётная лента сидела в гнезде. Он прицелился. И взял на мушку самую передовую фигуру. Сам разлёгся на траве. Коленки ощутили сырость.

– Нагло идут... Прямо сюды, – сказал Борис.

– Да. Ничего пускай идут...

– Андрей... Подпусти поближе..., – заявил Николай.

– Да. Знаю... Окружают сволочи... Три бронемшины... Везде пулемёты. Сейчас начнётся... Одна в право уходит. Одна влево... Сволочи. Окружают нас... Знают, что мы здесь, что ли... Странно. Идут нагло..., – подумал Андрей.

Небо сковывало в себе томные облака. Казалось, что где – то крапает дождь. Веяло прохладой. Гулял небольшой туман.

– Понеслась, бойцы...

Веял лёгкий ветерок. Андрей, крепко держась за пулемёт, надавил на курок. Оружие заметно задрожало в руках. Воздух сотрясли гулкие выстрелы. Посыпались гильзы на землю. Огненная струя потянулась по полю. И тут же пули сокрушили впереди идущего капитана СС Кирка. Он затрясся, как прокажённый. Весь его торс изрешетило и окропило кровью. Его руки пошли вверх, словно говоря, что он капитулирует. Сам, весь трясаясь, чуть попятился. И тут же ноги покосились в коленях. Он грузно упал на землю. И замер, лёжа ничком. Следом за ним покосилось ещё несколько томно – зеленоватых фигур в маскахалатах. Они быстро упали и погрязли замертво в траве. Автоматчики живо рассредоточились. Все повалились на землю. Воздух сотрясся от выстрелов. Началась ответная стрельба. Бронемашины остановились. Пулемётчики тут же дали о себе знать. Там на башнях забарабанили их пулемёты. И понеслись шальные перекрёстные, трассирующие пули. Они гулко засвистели.

Бойцы, укрываясь за бугром, стреляли, кто как может. Владимир бил неважно. Он еле передёргивал затвор. И, долго прицеливая, стрелял мимо. Его обуял невероятный жар. Рана томила. Боль всё время напоминала о себе. В глазах сильно заребило. Николай Кукушкин стрелял из автомата. Он уже сменил два рожка. Возле него насыпалось много гильз. Он, прицелившись, дал несколько коротких очередей. И был точен. Томно – зеленоватая фигура, перебегая, остановилась. Тело покривилось. Пули изрешетили широкую спину автоматчика Миси. Он грузно упал взад себя. И руки неестественно заломил.

– АААААА... Сволочи, – громко закричал он.

Повеял лёгкий ветер. Андрей слегка водил стволом пулемёта. Он не затихал. Рядовой Гоут ощутил на себе огненную трассу, пущенную умелым бойцом. Она прокатилась прямо по спине автоматчика. Того даже немного подкинуло, но тут же опустило на землю. Он был мёртв. И склонил голову на бок. Из рта потекла кровь. Глаза омертвели. Они смотрели в одну точку. Андрей дал залп по бронемашине. И в разные стороны полетели искры. Броня легко выдерживала этот натиск. Но всё же пулемётчик Урли на время затих. Он укрылся в кабине. По броне гулко барабанили шальные пули.

Вдали витал призрачный туман. Казалось, он передвигался то в одну сторону. То в другую сторону. В поле появились мотоциклы с коляской. На каждом имелся водитель и пулемётчик. Они покатали в обход перелеска. Андрей негодовал. Он быстро развернув оружие, дал длинную очередь. И попал точно в бак и водителя Бока. Мотоцикл взревел мотором. И тут же выдал язык пламени. Прогремел небольшой взрыв. Рядовой Бока отлетел в сторону. И грузно завалился на землю. Ему сильно обожгло лицо. Но боли его не тревожили. Его торс превратился в решето. Напарник Каунс тоже вылетел из коляски. Он замер за мотоциклом. Но сохранил силы.

– Вот же хрень... Один мотоцикл укатил... Не вижу... Уже, наверное, нам в тыл закатил... АААА, – закричал Андрей.

– Танки там шмалят, – заявил Борис.

Повеял лёгкий ветер. Борис, выждав момент, точно прицелился по бронемашине. Пулемётчик Урли только – только показался из брони. Он схватился руками за пулемёт. Но Борис выстрелил из своей любимой «Мосинки». Пуля, со свистом миновав расстояние, пронзила голову точного пулемётчика Урли. В стороны метнулись кровавые струи. Он, широко махнув руками, завалился на спину прямо в кабине бронемашин. Водитель Ганс ужаснулся. Он прижался к рулю. Лицо открывало волнение. Глаза цвета бронзы округлились. И он просто не мог подняться. Выказалось смятение.

Воздух сотрясали жуткие, мощные выстрелы вражеских пулемётов. Запрыгали кочки. Поднялся свист. Борис вздрогнул. На багряном лице появилось недоумение. Пуля пробила руку. Боли выказалась на лице. Глаза округлились. Он чуть приподнялся. И тут же получил несколько пуль в живот.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.